

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Faculty of Business Administration, University of Economics in Prague
Academia Rerum Civilium –
Higher School of Political and Social Sciences
Penza State Technological University
Penza State University

HISTORY, LANGUAGES AND CULTURES OF THE SLAVIC PEOPLES: FROM ORIGINS TO THE FUTURE

Materials of the VIII international scientific conference
on November 25–26, 2019

Prague
2019

History, languages and cultures of the Slavic peoples: from origins to the future : materials of the VIII international scientific conference on November 25–26, 2019. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2019. – 59 p. – ISBN 978-80-7526-428-2

ORGANISING COMMITTEE:

Sergey N. Volkov, doctor of philosophy, professor, head of philosophy department in Penza State Technological University.

Viktor V. Kondrashin, doctor of historical sciences, professor of Penza State University.

Miroslav Sapik, PhD, assistant professor, vice-rector of Academia Rerum Civilium – Higher School of Political and Social Sciences..

Eva Kashparova, PhD, research associate at University of Economics in Prague.

Bozhena Ivanovska, doctor of arts in the field of social science in the Institute of philosophy and sociology of Polish Academy of Sciences.

Natalia V. Osipova, candidate of sociological sciences, assistant professor of Penza State Technological University.

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines history, languages and cultures of the Slavic peoples. Some articles deal with problems of Slavic origin and ancestral homeland in special disciplines and interdisciplinary researches. A number of articles are covered socio-economic and political development of Slavic countries. Some articles are devoted to ethno-cultural and ethno-confessional relations in Slavic world. Authors are also interested in literature and art of Slavic nations.

UDC 94(367)

ISBN 978-80-7526-428-2

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2019.
© Group of authors, 2019.

CONTENTS

I. SOCIO-ECONOMIC AND POLITICAL DEVELOPMENT OF SLAVIC COUNTRIES: COMMON AND SPECIAL

Бегиев В. Г., Бегиев О. В.

Снайпер Якутии Федор Охлопков в годы
Великой Отечественной войны.....5

Федорова А. В.

Белорусы на Южном Урале: страницы истории 10

II. ORIGINS OF SPIRITUAL CULTURE OF THE SLAVS. GENESIS OF PAGANISM AND THE EXPANSION OF CHRISTIANITY. PHENOMENON OF DUAL FAITH

Балашова Е. Н.

Взаимодействие русской православной церкви и провинциальных
общественных организаций в издании работ по церковному краеведению
в России в XIX в. (на материалах Тамбовской губернии) 15

Кузнецова Ю. В.

Языческий свадебный обряд 18

III. LANGUAGES AND LINGUISTIC CULTURE OF SLAVIC NATIONS AS THE REFLECTION OF THEIR ETHNO-CULTURAL CONSCIOUSNESS

Pak M. K., Dolgova T. V.

The potential development of the life lexeme in the associative field aspect..... 21

Инютина Л. А., Шильникова Т. С.

О формировании грамматической нормы русского языка в Сибири
XVII века (на материале памятников местной деловой письменности) 27

Сидорова А. Г., Штуль П. И.

Турецко-тюркские заимствования в русском языке. История одного
заимствования на примере лексемы «жемчуг» 31

IV. INTERLINGUISTIC CONTACTS OF SLAVIC AND OTHER NATIONS

Беленов Н. В.

Русизмы в географической лексике торновского говора мокша-мордовского языка	36
--	----

V. PROBLEMS OF SLAVIC MINORITIES, DIASPORAS AND IMMIGRANT COMMUNITIES

Салахова Д. Р.

Читательские интересы героев в произведении А. Жвалевского, Е. Пастернак «Смерть мертвым душам!»	38
---	----

VI. TEACHING SLAVONIC LANGUAGES, INCLUSION TO HISTORICAL-CULTURAL HERITAGE OF SLAVIC NATIONS

Котова Г. Г.

Инвентарная табличка из Пилоса.....	41
-------------------------------------	----

План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2019–2020 годах.....	54
---	----

Информация о научных журналах	56
-------------------------------------	----

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»	57
--	----

Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»	58
---	----

I. SOCIO-ECONOMIC AND POLITICAL DEVELOPMENT OF SLAVIC COUNTRIES: COMMON AND SPECIAL

СНАЙПЕР ЯКУТИИ ФЕДОР ОХЛОПКОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В. Г. Бегиев

*Доктор медицинских наук, профессор,
СВФУ им. М. К. Аммосова,*

О. В. Бегиев

*психолог,
Средняя общеобразовательная школа
№ 30 им. В. И. Кузмина,
г. Якутск,
Республика Саха (Якутия), Россия*

Summary. Fedor Matveyevich Okhlopkov was born in the 3rd settlement of Bayagantai of the Tomponsky ulus of the Republic of Sakha (Yakutia). He worked at the Tompon state farm as a worker. In August, drafted into the army since 1941, took part in the battles near Moscow. On July 7, 1944, the command of the 259th Infantry Regiment was promoted to the rank of Hero of the Soviet Union, but was awarded the Order of the Red Banner. 12 wounds received. He took part in the historic Victory Parade on June 24, 1945 on Red Square in Moscow.

Keywords: Cross-Khaldzhay, sniper, Hero of the Soviet Union.

Для народов Якутии День Победы в 1965 году был знаменателен тем, что накануне вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР, которым за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронтах борьбы с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны и проявленные при этом отвагу и героизм» звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» удостоивался якутянин сержант запаса Федор Матвеевич Охлопков. Награда нашла героя через двадцать лет после победного завершения войны, рабочего совхоза «Томпонский». Ф. М. Охлопкова.

Родился Ф.М. Охлопков 17 февраля (2 марта) 1908 года у жителя III Баягантайского наслега Баягантайского улуса Якутской области (ныне Томпонского улуса Республики Саха (Якутия) Матвея Петровича Охлопкова и его законной жены Евдокии Петровны. Наслег находился на берегу бурного Алдана в трех верстах от Крест-Хальджая. Родители Федора, крестьяне, занимались скотоводством, рыболовством и охотой.

Нелегкое детство выпало на долю Феди Охлопкова. В шесть лет он потерял мать, а через два года и отца. В шестилетнем возрасте Федя ставил силки на зайца, а в девять лет неплохо стрелял из старого кремневого ружья, умел пользоваться охотничьими снастями-всевозможными самострелами, ловушками, капканами, вершами, самостоятельно охоился на мелкую дичь.

Учиться в школе Феде довелось мало, помешали бытовые неурядицы, грянувшие революция и Гражданская война [5].

Закаленный суровой бедняцкой жизнью и сиротством, Федор Охлопков одним из первых в селе записался в ТСОЗ. С организацией товарищества селяне решили расширить пашни под зерновые, для чего только с помощью топоров и мотыг раскорчевали и расчистили немалую площадь таежного массива. Федор был застрельщиком этой трудоемкой работы. В 1931–32 годах он трудился бригадиром конетоварной фермы.

В 1932 году молодой Охлопков в числе энтузиастов едет на прииски золотоносного Алдана.

Любознательный молодой якут в свободное от работы время посещал национальный клуб, где внимательно слушал доклады и беседы, занимаясь в кружке Осоавиахима, стал «ворошиловским стрелком».

По возвращении через год в родной наслег, где как раз проходило объединение ТСОЗов в сельскохозяйственные артели-колхозы, Федору Матвеевичу нашлась новая работа. Федор Охлопков первым в колхозе начал присматриваться к сельскохозяйственным машинам, научился работать на них. Так он стал первым механизатором в Крест-Хальджае. Зимой Федор Матвеевич охотился, а летом выполнял самые различные работы, но, главным образом, был механизатором и кузнецом.

За доблестный самоотверженный труд Федор Охлопков становился ударником в 1936 году удостоился звания стахановец [2].

В 1941 году был призван в советскую армию. В составе 375-й дивизии, сформированной в Свердловской области в основном из сибиряков и прибывшей на фронт 13 декабря 1941 года в разгар контрнаступления наших войск под Москвой, начинал боевой путь в Ф. М. Охлопков призванный в армию в августе 1941 года. Служил первым номером ручного пулемета, а его двоюродный брат Василий вторым номером.

В бою под Дмитровским погибли многие однополчане Охлопкова, в их числе его друг и земляк Михаил Попов [4].

В результате стремительной атаки свыше 1000 немецких солдат и офицеров остались на поле боя, были разгромлены штабы 110-й пехотной дивизии гитлеровцев и их 167-го пехотного полка. Трофеями наших воинов стали пять противотанковых орудий, 10 пулеметов, около 100 лошадей, много повозок, ценные штабные документы.

Это был первый боевой успех в будущем дважды Краснознаменной Харьковско – Бухарестской ордена Богдана Хмельницкого 375-й стрелковой дивизии.

После этого боя 375-ю дивизию вывели на переформирование, получив пополнение, с 13 января 1942 года уже в составе другой, 30-й армии, участвовала в контрнаступлении наших войск под Москвой. Бойцам 1243-го полка противостояли вооруженные до зубов полки дивизии СС «Райх», оборонявшие населенные пункты Ножкино, Кокош и Клеменино. 23 февраля 1243-й полк, сломив упорное сопротивление немецких войск, овладел

этими пунктами и в дальнейшем занял на правом берегу Волги деревни Тарутино, Овсянниково и Паново. В этих боях Охлопков исключительно меткой стрельбой вывел из строя несколько вражеских пулеметчиков. В приказе по полку его поставили в пример всем бойцам.

Федор Охлопков, с детства приученный к охоте, умеющий поразить белку в глаз, летом 1942 года сменил пулемет на снайперскую винтовку.

Имея от природы острый глаз, а также такие черты характера, как хладнокровие и железную выдержку, Федор уже через несколько месяцев стал метким стрелком: его ставили в пример другим снайперам. Представляя 8 июня 1942 года командира отделения снайперов Охлопкова к ордену, командир 1243-го полка писал, что он «будучи отличным снайпером, при обороне деревни Инчиково проявил героизм. Невзирая на минометный и артиллерийский обстрел, из снайперской винтовки в течение пяти суток убил и ранил 19 фашистов и одного офицера. Товарищ Охлопков был легко ранен в голову, выполняя задание по снятию фашистских наблюдателей».

Шел второй год войны. Погиб смертью храбрых командир 1243-го полка подполковник Ратников, а командир отделения роты автоматчиков Ф. М. Охлопков 18 августа получил осколочное ранение в правую ногу, но из-за невозможности вывода раненых оставался на передовой и продолжал воевать.

За участие в этой жестокой схватке с врагом, «за 81 уничтоженного им немецкого солдата и офицера на правом берегу Волги в районе деревень Сшиматовка, Овсянкино, Петровское, 27 августа 1942 года Ф. М. Охлопкова наградили орденом Красной Звезды. В наградном листе к ордену сказано: «Охлопков своей храбростью не раз в трудные минуты боя останавливал паникеров, воодушевлял бойцов, вел их опять в бой». А на следующий день он был контужен и отправлен в госпиталь.

В сентябре после выздоровления Федор Матвеевич прибыл в 234-й полк 179-й стрелковой дивизии 43-й армии, ведущей бои под Ржевом. Он, командир взвода автоматчиков, участвовал в завершающем этапе Ржевско-Сычевской наступательной операции.

В огне сражений Ф. М. Охлопков стал умелым бойцом и младшим командиром, приобрел опыт стрельбы из пулемета и автомата, из снайперской винтовки. Только за первую неделю пребывания в новом полку он как снайпер уничтожил 11 фашистов.

В последующие недели Федор Матвеевич свой боевой счет увеличил. Находясь в обороне, в составе 234-го полка с сентября по декабрь 1942 года он истребил 96 гитлеровцев, за что был награжден вторым орденом Красной Звезды.

В 1943 год Ф. М. Охлопков вступил зрелым мастером снайпиристом.

Ф. М. Охлопков, пребывая на Калининском фронте в рядах 179-й стрелковой дивизии, участвовал во многих больших и малых, оборонительных и наступательных операциях. Уже в начале 1943 года он входил в спи-

сок сорока лучших снайперов фронта, по результативности значился двенадцатым: высшее достижение имел Зимин-285, а его счет равнялся 147.

С декабря 1942 года по июль 1943 года Охлопков, находясь в составе 234-го полка в обороне в районе деревень Маклаковка, Матвеево и Большие Кисели Смоленской области, при ежедневном выходе «на охоту» истребил 159 гитлеровцев, за что был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Весомый вклад в эту операцию внес и Федор Охлопков. Он «в боях по прорыву немецкой линии обороны, а также в боях по преследованию противника с августа по октябрь, действуя в составе 234 стрелкового полка в боях за высоты 302, 246, 2, Бол. Толкачи, д. Картошевичи и другие населенные пункты, огнем из винтовки истребил 32 гитлеровца. В боях за населенные пункты Колышки, Клевцы в октябре месяце 1943 г. истребил 17 немецких солдат и офицеров».

Командир 259-го стрелкового полка полковник Жидков, описав боевые заслуги сержанта Ф. М. Охлопкова с декабря 1941 года по апрель 1944 года (за этот период на счету снайпера было 420 убитых фашистов), представил его 7 июля 1944 года к званию Героя Советского Союза. Но представление не было утверждено, и приказом по 43-й армии от 26 июля 1944 года Федора Матвеевича наградили орденом Красного Знамени [3]. Сержант Охлопков больше не принимал участия в боевых действиях. В первый день операции «Багратион», 23 июня, он получил еще одно, двенадцатое по счету, сквозное ранение в грудь и был отправлен в тыловой госпиталь. Рана долго не заживала, только весной 1945 года Федор Матвеевич выписался из госпиталя.

Завершением войны для Ф. М. Охлопкова стало его участие в составе сводного батальона 1-го Прибалтийского фронта в историческом параде Победы, который состоялся 24 июня 1945 года на Красной площади Москвы.

Долгих три с половиной года из дня в день, полных смертельной опасности, шел по дорогам войны рядовой пулеметчик, младший сержант, сержант командир отделения автоматчиков воин-якут Охлопков. Славу ему, не знающему промаха стрелку, принесла снайперская винтовка. Меткой охоте на пушного зверя Федор Охлопков, как и большинство мальчишек из коренного населения, был обучен сызмала. Сотни уничтоженных фашистов были на счету снайперов-якутян Д. Гуляева, А. Миронова, И. Кульбертинова и других. Среди них выделялся Ф. М. Охлопков: его боевой счет-429.

10 февраля 1946 года Ф.М. Охлопкова избрали депутатом Совета Национальностей Верховного Совета СССР [1]. Почти сразу после выборов Ф. М. Охлопков с семьей переехал в Ытык-Кюель и до апреля 1949 года работал заведующим военным отделом Таттинского райкома партии. За непродолжительное время по его инициативе в каждом колхозе создали первичные организации после выборов Ф. М. Охлопков с семьей переехал

и Ытык-Кюель и до апреля 1949 года работал заведующим военным отделом Таттинского райкома партии. За непродолжительное время по его инициативе в каждом колхозе создали первичные организации ДОСААФ, в районном центре стали работать кружки снайперской стрельбы, а в школах активизировалась оборонно-спортивная работа. В связи с 25-летием Якутской АССР под руководством Федора Матвеевича проводилась работа по увековечению памяти участников Гражданской и Великой Отечественной войн в селе Ытык-Кюель и центральных деревнях колхозов сооружались памятники, оказывалась помощь семьям погибших воинов. За всю эту работу в июле 1947 года Ф.М. Охлопкова наградили Почетной Грамотой Президиума Верховного Совета ЯАССР. Позже он работал директором Таттинской конторы по добыче и заготовке пушнины, управляющим районной конторы Якутского мясотреста. В 1954 году Федор Матвеевич из-за ухудшения слуха (последствия контузий) вынужден был уйти с руководящей работы и занимался охотой в родном Крест-Хальджае.

За годы мирной послевоенной жизни жена Федора Матвеевича Анна Николаевна родила десять детей и стала матерью-героиней.

Федор Матвеевич был в почете, а после того, как его грудь украсила медаль «Золотая Звезда», он стал всенародно известным.

В 1968 году отмечали 60-летие Федора Матвеевича, в его адрес пришли приветствия от Маршалов Советского Союза И. Х. Баграмяна, В. И. Чуйкова и В. Д. Соколовского, от Героя Советского Союза А. П. Маресьева, от главнокомандующего сухопутными войсками Советской Армии генерала армии И. Павловского, от командующего Забайкальским военным округом Героя Советского Союза генерал-полковника П. Бедика, от боевых сослуживцев Д. Ф. Попеля, Л. А. Ганьшина, Б. В. Сухова, Н. И. Катионова и С. Х. Айнутдинова, от отдельных лиц и целых коллективов. Чествовали Героя Советского Союза Ф. М. Охлопкова в Якутске и в родном Томпонском районе. Было высказано много теплых слов и пожеланий. Главное из них – крепкого здоровья и долгих лет жизни.

Военное лихолетье, многочисленные ранения и контузии не прошли бесследно. Федор Матвеевич Охлопков умер 28 мая 1968 года и похоронен в родном селе.

Якутяне чтят и помнят своего знаменитого земляка. Имя Герои было присвоено совхозу и морскому сухогрузному теплоходу, на родине Федора Матвеевича открыт мемориальный музей, установлен бюст на могиле в селе Крест-Хальджай, его именем названы, улицы в Якутске и Хандыге. Сын якутского бедняка, охотник, выдающийся снайпер, депутат, и просто хороший человек Ф. М. Охлопков живет в памяти благодарных потомков.

Проходящие по Алдану теплоходы и пароходы, отдавая дань уважения Ф. М. Охлопкову, салютуют ему длительными гудками.

Библиографический список

1. Афанасьев Е. Избранник народа // Красное знамя. - 1968. – 5 марта.

2. Бурцев А. Первый механизатор Крест-Хальджая // Красное знамя (Хандыга). – 1972.-21 марта.
3. Вклад народов Якутии в дело Победы (1941-1945гг.). Документы и материалы. Т.-1.-С. 206, 207
4. Избеков Д.Д. Якутяне -Герои Великой Отечественной войны.-Якутск: Кн. Изд-во, 1961.-139с;
5. Кустуров Д.В. Герой Советского Союза Ф.М.Охлопков – Якутск, 1981. – С18-19

БЕЛОРУСЫ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

А. В. Федорова

*Доктор исторических наук, профессор,
заведующая кафедрой,
Оренбургский государственный
аграрный университет,
г. Оренбург, Россия*

Summary. The article considers a little-studied question devoted to the characteristics of the Belarusian population in Orenburg region. The focus is on the evacuation of residents of Belarus to the southern Urals during the great Patriotic war. The article uses the documents of the Orenburg and Belarusian archives, as well as the materials of the survey conducted by the Center for the history of the peoples of the southern Urals.

Keywords: Belarusians; South Ural; Chkalov region; Orenburg region; Great Patriotic war; evacuation.

Переселение белорусов на земли Заволжья и Южного Приуралья началось с конца XVIII века, когда после разделов Речи Посполитой территория Белоруссии оказалась в составе Российской империи. Интенсивное переселение белорусов на земли Оренбургского края наблюдалось во второй половине XIX – начале XX в.

В 1875 г. в Оренбурге провели однодневную перепись, белорусов отнесли к русским. Из славян во время данной переписи выделялись болгары, поляки, чехи, русские. В 1916 г. в Оренбурге насчитывалось 214 белорусов, из них рабочими назвали себя 187 (0,3 %) человек [4, с. 44–66]. По переписи 1897 года в Оренбургском казачьем войске числилось 1493 белоруса [15, с. 159].

Группа революционно настроенных белорусов в 1921 г. сделала попытку создать в Оренбурге белорусскую секцию в губернской большевистской организации [16, л. 43]. В условиях голода 1921–1922 гг. белорусы протянули братскую руку помощи: в Оренбургскую губернию прибыло 32 вагона с картофелем и рожью [22, с. 5].

Белорусы в первой трети XX века в основном заселяли северно-западную часть современного Оренбуржья. Часть белорусов эмигрировала из Польши во второй половине 1926 года [21, л. 67]. Белорусскими населенными пунктами в 1929 г. считались: артель Беднота (60 человек), посе-

лок Красная Горка (108 человек), поселок Белорусский (139 человек), деревня Н.-Николаевка (580 человек). В 1929 году, по уточнённым данным, на территории современного Грачевского района проживало 704 белоруса [14, с. 3].

В тридцатые года белорусы занимали ответственные посты в Оренбургской области. Так, Иван Поликарпович Веевников (1893 г.р.), выпускник Всесоюзного коммунистического университета, был начальником политотдела совхоза в Кувандыкском районе. Среди них встречались руководители районных партийных организаций, репрессированные в период сталинщины [17, л. 761].

Многочисленные тома Государственного архива Оренбургской области хранят уникальные свидетельства 1941–1945 гг., в том числе и списки эвакуированных. Почти в каждом из них – белорусские фамилии. Из одной только Гомельской области к концу 1941 года в Оренбургскую область (в годы войны Чкаловскую) прибыло 124 человека, в основном женщины и дети. Покровский сельский Совет разместил 416 семей (843 человека). Оренбургская область в годы Великой Отечественной войны приняла и разместила 12 детских учреждений из Белоруссии. На 6 сентября 1941 г. из БССР прибыло 7 детских домов с числом детей 706 человек. Они были размещены в районах области [18, лл. 64, 65].

К 1942 году в Сакмарском районе разместили 283 эвакуированных из Белоруссии, из них детей [19, лл. 53–55].

Оренбуржцы приняли эвакуированный из Минска детский сад № 74 и разместили его в Краснопартизанском районе. В ноябре 1944 года Минский горисполком депутатов трудящихся передал жителям района и Оренбургской области благодарность за сердечную отеческую заботу о детях.

Всего из Белоруссии удалось эвакуировать в тыл свыше 1,5 млн человек. Значительное число эвакуированных отправили на Южный Урал. 2 декабря 1941 года Бугурусланский райисполком депутатов трудящихся рассмотрел вопрос «О предоставлении помещения Белорусскому правительству», приняв решение: «...расселить жильцов в другие квартиры в порядке уплотнения, а на квартиры выдать ордера белорусскому правительству» [7, л. 233]. Видимо, речь шла о семьях белорусского правительства, которое на протяжении всей войны находилось в Москве.

Большая группа эвакуированных из белорусских городов прибыла в Орск в 1943 г.: И. С. Жарков (г. Полоцк) – директор нефтеперерабатывающего завода, Е. Ф. Абрамова (г. Гомель) – директор химического завода, А. С. Журавлёв (г. Полоцк) – зам. директора городского театра, Н. Н. Серов (г. Гомель) – офицер уголовного розыска, А. П. Савутеев (г. Минск) – работник горисполкома, Г. В. Владикова (г. Гомель) – директор горлесхоза, М. С. Галич (г. Витебск) – сотрудник горисполкома и др. [20].

«Паровозная хозяйство» Белоруссии приняли на Оренбургской железной дороге [10, л. 122], часть – на Красноярской. В Бузулукский бор

отправили Белорусский научно-исследовательский институт лесного хозяйства [1].

Эвакуированные из Белоруссии назначались на должности, освобождённые мобилизованными на фронт. Г. С. Гапон – заместитель наркома юстиции Белоруссии – работал начальником политотдела совхоза «Воронежский» [8, л. 37]. П. И. Тарайкович в годы войны был зоотехником в Домбаровском районе. В июле – августе 1941 г. он сопровождал эвакуированный скот колхоза им. Сталина Могилёвской области в Чкаловскую область. С апреля 1942 г. – в Красной Армии. Участвовал в 1943 г. в освобождении Витебщины. После войны работал в системе Министерства сельского хозяйства [2].

Четыре года в Бузулукском бору проработал заместителем директора Белорусского научно-исследовательского института лесного хозяйства И. Д. Юркевич, изучавший проблему лесов. В 1948 г. защитил докторскую диссертацию, в 1950 г. И. Д. Юцкевичу за научные изыскания присудили Сталинскую премию III степени [1].

В числе эвакуированных на Южном Урале – Данил Иванович Драгун, директор Партиздательства ЦК КП(б)Б. С октября 1941 года преподавал в средней школе Люксембургского района Чкаловской области, затем работал заведующим отделом агитации и пропаганды райкома ВКП(б) в этом же районе. С февраля 1942 года по сентябрь 1943 года возглавлял Чкаловский областной радиокomitee, в сентябре 1943 года стал заместителем председателя радиокomitee при СНК БССР, в июне 1944 года утверждён секретарем Пинского обкома КП(б)Б по пропаганде, в апреле 1945 года назначен ответственным редактором газеты «Звезда».

Согласно «Списка эвакуированных из БССР предприятий», выявленного в Национальном архиве Республики Беларусь, в Чкаловской области приняли трикотажную фабрику им. 8 марта Наркомата легкой промышленности БССР из Гомеля (до войны на фабрике работало 744 рабочих) [9, л. 62] и мебельную фабрику Наркомата лесной промышленности БССР из Витебска (перед войной насчитывалось 224 рабочих) [9, л. 72].

Уже 25 июля 1941 года в Оренбург прибыли эшелоны с оборудованием Витебской мебельной фабрики. В кратчайшие сроки были приняты и запущены Витебский станкостроительный завод, Гомельский мясокомбинат и другие предприятия. Прибывшие с ними рабочие и инженеры составили значительный миграционный поток.

Имя Кирилла Прокофьевича Орловского широко известно не только в Белоруссии, но и далеко за её пределами. Большую, яркую жизнь прожил этот замечательный человек. Солдат Первой мировой войны, активный участник установления советской власти в Бобруйском уезде. Организатор партизанского движения на Могилевщине в годы гражданской войны. Боец интернациональной бригады в республике Испания. Командир одного из партизанских отрядов в Барановической области в период Великой Отечественной войны.

Кирилл Прокофьевич Орловский накануне Отечественной войны некоторое время работал проректором по хозяйственной части Чкаловского (Оренбургского) сельскохозяйственного института. О его героической судьбе написаны статьи и книги, в экспозиции Белорусского музея истории Великой Отечественной войны представлены личные вещи и документы. До конца 80-х годов в архиве Оренбургского сельскохозяйственного института хранилось его личное дело, но затем его отправили в одно из центральных архивохранилищ.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 сентября 1943 года за образцовое выполнение заданий в тылу врага и за проявленные при этом героизм и мужество подполковнику К. П. Орловскому было присвоено звание Героя Советского Союза [5, с. 205–222; 6, с. 123.; 7, с. 164–170; 11, л. 53–57; 12; 13, с. 345.]

После освобождения Белоруссия от врага значительное число её жителей вернулось в родные места. А те, кто остался, стали оренбургскими белорусами.

Массовое переселение белорусов в Оренбургскую область связано с освоением целинных и залежных земель в Адамовском, Кваркенском, Домбаровском, Акбулакском и других районах. Только в Гайский район приехало двести человек. По всей области – тысячи. Выезжавшие на целину из Белоруссии приобретали сельскохозяйственные профессии на курсах, организованных на Минском тракторном заводе. Целинники, молодые парни и девушки, создавали семьи, оседали в Оренбуржье навсегда.

Пополняли белорусскую диаспору и демобилизованные воины. Центр истории народов Южного Урала в 2000 г. провел опрос белорусов в Саракташском районе, что позволило выявить судьбу некоторых из них. В Саракташе жил Николай Константинович Столяр. Родился в 1938 г. в деревне Богуши Брестской области. Маленький Николай войну пережил в оккупации, помнил вражеские самолёты, немцев на мотоциклах. Несколько фашистов находились на «постое в их доме». В памяти у оренбуржца Н. Столяра и отступавший враг, смерть матери Степаниды Леонтьевны, заболевшей тифом. Около двадцати лет Н. К. Столяр работал бульдозеристом в Саракташской нефтегазоразведывательной экспедиции глубокого бурения. Занесён в Книгу почёта экспедиции, представлен к различным наградам. Помнил многие белорусские обряды и обычаи, в семье хранят несколько фотографий из Белоруссии.

Екатерина Алексеевна Фёдорова родилась в д. Еганы Дрибнинского района Могилёвской области. Пережила все ужасы военного времени: расстрелы, обыски, голод, пожарища. При бомбежке 1945 г. был разрушен дом Федоровых. Голодная послевоенная жизнь подтолкнула на переезд в далёкий Оренбургский край. Поёт белорусские песни, дети по-белоруски понимают, но уже не говорят на родном языке. Людмила Александровна Тишкова родом из деревни Малый Погост. Отец погиб на фронте, брат умер от тифа. Замужество привело её в село Яковлевка Гавриловского рай-

она. В селе Ташла Ташлинского района долгие годы жила Л. В. Тарасевич. Родилась в 1929 г. в г. Минске. Её отец – участник Великой Отечественной войны, погиб при освобождении Варшавы. Семья Тарасевич прибыла в Оренбуржье в 1937 г. Л. В. Тарасевич прекрасно владела родным языком. Семья Н. Д. Можейко переехала в Октябрьский район в период освоения целинных земель из Верхнедвинского района Витебской области.

Из-за тяжелой жизни в 1956 г. уехала из Бобруйской области семья Биржанниных. Екатерина Алексеевна Биржаннина хорошо знает свою родословную, хранит фотографии. Многие страницы жизни рода, большей части грустные, поведала своей внучке – студентке аграрного университета Ю. Базаровой.

В Оренбурге зарегистрировано Белорусское культурно-просветительское общество, которое видит свою задачу в культурном возрождении белорусов, в решении духовных связей с Беларусью, национально-культурной центрами и группами белорусов в других регионах России.

Библиографический список

1. Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны (далее БГМИВОВ). КП-3732.
2. БГМИВОВ. Ящ. № 61. Инв. № 80165.
3. БГМИВОВ. № КП-3732.
4. Бляхер Я. Итоги однодневной переписи населения г. Оренбурга 7 февраля 1916 года. Вып. 1. – Оренбург, 1916. – С. 44 – 66.
5. Борисов И. Охота за охотником // Высокий долг. К 70-летию ВЧК-КГБ. – Минск, 1985. – С. 205 – 222.
6. Борисов И.С. Человек из легенды. – Минск: Маст. лит, 1991. – 346 с.
7. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 1014. Оп. 2. Д. 592. Л. 233.
8. Национальный архив республики Беларусь (далее НАРФ). Ф. 4. Оп. 33а. Д. 383. Л. 37.
9. НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 8. Л. 62.
10. НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 8а. Л. 122.
11. НАРБ. Ф. 974. Оп. 2. Д. 358. Л. 53 – 57.
12. НАРБ. Личное дело К.П. Орловского. Ф. 3500. Оп. 9. Д. 1270.
13. Пономарев В.Г. Мятежное сердце. – Минск: Юнацтва, 1987. – 478 с.
14. Призыв. Грачевский район. – 1987. – 19 декабря. – С. 3.
15. Футорянский Л.И. Национальный и религиозный состав казачества Южного Урала // Укрепление взаимосвязей народов Урала и Поволжья и проблемы национальной региональной политики. – Оренбург, 1994. – С. 159 – 161.
16. Центр документации новейшей истории (далее ЦДННН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 268. Л. 43.
17. ЦДННН. Ф. 371. Оп. 1. Д. 401. Л. 761.
18. ЦДННН. Ф. 371. Оп. 5. Д. 301. Лл. 64, 65.
19. ЦДННН. Ф. 371. Оп. 6. Д. 880. Л. 53 – 55.
20. ЦДННН. Ф. 748. Оп. 1. Д. 480.
21. ЦДННН. Ф. 1151. Оп. 1. Д. 268. Л. 67.
22. Южный Урал. – 1989. – 16 июня. – С. 5.

II. ORIGINS OF SPIRITUAL CULTURE OF THE SLAVS. GENESIS OF PAGANISM AND THE EXPANSION OF CHRISTIANITY. PHENOMENON OF DUAL FAITH

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ИЗДАНИИ РАБОТ ПО ЦЕРКОВНОМУ КРАЕВЕДЕНИЮ В РОССИИ В XIX В.

(на материалах Тамбовской губернии)

Е. Н. Балашова

*Кандидат исторических наук, доцент,
Тамбовский государственный
университет имени Г. Р. Державина,
г. Тамбов, Россия*

Summary. The article describes the place of publications of the Russian Orthodox Church in the provincial publishing repertoire. The subject of publications, the role of Soviet scientists and priests in their creation are revealed. The issue of preparation and publication of works on Church local lore, interaction on this issue of Church and local lore institutions and secular public organizations is considered.

Keywords: ecclesiastical history; diocesan newspaper; Church and local history organizations; the provincial book publishing.

Характерной чертой провинциального книжного дела XIX в. является тематическая ориентированность на местные вопросы. Поэтому практически все материалы, вышедшие в этот период в Тамбовской губернии, так или иначе раскрывают краеведческую тематику.

В провинциальном книжном репертуаре рассматриваемого периода выделяется система религиозных изданий, точнее, епархиальных, поскольку по содержанию они в большинстве своем имели не теологический характер, а краеведческую направленность, предназначались для осуществления церковной властью своих управленческих функций. Кроме того, знание прошлого епархии было необходимо для успешной проповеднической и миссионерской деятельности, охраны церковных памятников, распространения археологических и исторических знаний. Система епархиальных изданий была аналогична губернской и включала в себя «Епархиальные ведомости», историко-статистические описания епархий, труды церковно-краеведческих организаций, памятные книжки и адрес-календари для духовенства [3]. Тамбовская губерния была среди 60 епархий, выпускавших «Епархиальные ведомости» (ТЕВ) (1861–1918 гг.); среди 33 епархий, имевших полные историко-статистические описания:

Г. Хитрова (Тамбов, 1861) и коллегиальный сборник под редакцией А. Андриевского, секретаря духовной консистории (Тамбов, 1911); среди 27 епархий, подготовивших справочные и памятные книжки для духовенства (1876, 1893, 1902 гг.)

Значение епархиальных изданий для современного исследования провинциальной культуры, образования трудно переоценить. Порой священник являлся единственным по-настоящему образованным человеком в небольшом селе, в его обязанности входило не только богослужение, некоторые административные (ведение метрических книг, исповедальных росписей), просветительские функции (организация церковно-приходских школ), но и изучение, описание своего прихода.

Работы по церковному краеведению публиковались на страницах ТЕВ, выходили в качестве приложений к ним, либо отдельными оттисками. Наиболее характерными жанрами публикаций являлись историко-статистические описания монастырей, приходов, церквей, сел, летописи приходов, биографии архиереев и выдающихся представителей местного духовенства, исторические, археологические, этнографические работы. Многие исследования готовились как предварительные материалы к составлению полного историко-статистического описания епархии, увидевшего свет в 1911 г. Так, в Тамбовской губернии в 1877 г. вышла работа, посвященная местным иконам и праздникам, в 1888 г. – книга Н. Молчанова «Историко-статистическое описание тамбовского Вознесенского женского монастыря», в 1899 г. – «Историко-археологическая, статистическая и бытовая записка о приходе в селе Раеве» И. Покровского.

Среди событий, активизировавших разработку каких-либо определенных вопросов церковной проблематики, в рассматриваемый период выделяются, прежде всего, открытие мощей преподобного Серафима Саровского в 1903 г., когда в Тамбов съехалось до 250 тысяч человек и в губернской типографии вышло три книги о жизни святителя и Саровской пустыни, а также прославление святителя Питирима Тамбовского, когда в течение 1913–1914 гг. увидели свет семь изданий, описывающих жизнь и чудеса святого и «Справочник-путеводитель по городу Тамбову в дни торжеств...» (Тамбов, 1914).

В Тамбовской губернии существовали церковно-краеведческие организации: с 70-х гг. работал Церковно-исторический комитет и с 1912 г. – Церковно-археологический комитет с Древлехранилищем. Сотрудники этих организаций подготовили ряд упомянутых выше отдельных изданий, однако, выпуск собственного продолжающегося издания, «Трудов», организован не был. Вообще система епархиальных изданий (как уже упоминалось выше) была практически аналогична губернской системе, однако не получила столь же широкого распространения, как губернские публикации. Это было связано с недостатком средств и отсутствием в распоряжении церковной власти собственной типографии.

Поэтому фактически функции церковно-краеведческой организации взяла на себя Тамбовская ученая архивная комиссия (ТУАК), и, по словам В. А. Кученковой, многие источники по церковной истории края «не погибли для современного исследователя... лишь благодаря деятельности ТУАК» [1]. Деятельность комиссии заключалась в разборе и описании местных архивов, а также анализе архивов других городов на предмет разыскания материалов, посвященных Тамбовской губернии; в поиске и собирании предметов древности, в издании исторических материалов.

Ее сотрудники подготовили наибольший объем печатной продукции по сравнению с другими общественными организациями губернии. Это объяснялось, во-первых, тем, что комиссия носила полуобщественный характер, подчинялась непосредственно губернатору, который обязал губернскую типографию бесплатно печатать все издания ТУАК [2]. Кроме того, комиссия пользовалась услугами земской типографии, которая также нередко печатала работы членов ТУАК бесплатно. Так, в 1888 г. губернское земское собрание постановило аннулировать долг комиссии в размере 81 рубль за публикацию брошюры «Мамонтова пустынь Тамбовской епархии» и разрешило бесплатно печатать в своей типографии издания в течение 1888 г. на сумму 100 рублей.

Второй и самой главной причиной издательской активности ТУАК являлся тот факт, что она привлекла к работе по изучению истории края лучшие силы местной интеллигенции. Наиболее активными членами комиссии являлись: ее первый председатель И. И. Дубасов; А. Н. Норцов, заменивший последнего на посту руководителя ТУАК, археолог, лингвист, литератор; В. В. Соловский, преподаватель тамбовской гимназии, редактор неофициального отдела ТГВ и др.

В свою программу описания Тамбовской губернии комиссия включила, наряду с другими темами, изучение истории христианизации края и основания епархии, строительства храмов. Предполагалось исследовать церковные реликвии, собрать сведения о тамбовских подвижниках и святых. Этот замысел не осуществился, поскольку в 1918 г. работа была прекращена, однако некоторые материалы в печати появились, и в кратком историческом очерке тридцатилетней деятельности комиссии сообщалось, что наибольшая часть публикаций ТУАК посвящалась церковной археологии. Например, выпуск № 49 «Известий...» (1904 г.) был полностью посвящен материалам для истории Тамбовской епархии, подготовленным Н. И. Орловым. Большую часть выпуска № 55 названного издания составила публикация собрания сочинений протоиерея С. А. Березнеговского (1913 г.). В том же году работа увидела свет в качестве отдельного оттиска.

Работы сотрудников комиссии публиковались, прежде всего, в постоянном печатном органе ТУАК, выходившем с 1884 по 1918 г. Первоначально он назывался «Журналы заседаний...», а с № 13 (1887 г.) получил наименование «Известия ТУАК». Ежегодно комиссия готовила по два-четыре номера, всего увидели свет 58 выпусков. Большинство номеров

«Известий ТУАК» носили характер сборников и содержали описи архивных дел, исторические документы, ценные в источниковедческом плане (например, в 1887 г. было опубликовано более 100 документов по истории тамбовских монастырей) и т. д.

Взаимодействие церкви и общественных организаций в раскрытии краеведческой тематики проявлялось также и в том, что, священнослужители являлись членами различных светских общественных организаций и готовили материалы, не относящиеся непосредственно к церковному краеведению. Например, краевед протоиерей С. А. Березнеговский был действительным членом губернского статистического комитета и проводил исследования в русле названного учреждения; священник тамбовского кафедрального собора К. Богословский выпустил книгу, посвященную бывшему тамбовскому губернатору В.Ф. фон дер Лауницу.

Библиографический список

1. Кученкова В. Святые Тамбовской епархии. – М.: Изд. Отдел Моск. патриархата, 1993. – 112 с.
2. О работе ТУАК //Изв.ТУАК. – Вып. 13, Прил. - Тамбов, 1886. – С. 1-2.
3. Слуцкая С.А. К вопросу о типологии епархиальных краеведческих изданий второй половины XIX – начала XX вв. //Кн. дело в России во второй половине XIX – нач. XX вв.: Сб. науч. тр. /Рос. нац. б-ка. – СПб., 1994. – Вып. 7. – С. 141-160.

ЯЗЫЧЕСКИЙ СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД

Ю. В. Кузнецова

*Кандидат исторических наук, доцент,
Оренбургский государственный
аграрный университет,
г. Оренбург, Россия*

Summary. The article deals with the pagan wedding ceremony among the Slavs. Special attention is paid to deciphering the key elements of the wedding action. The article will be of interest to all who are interested in the history of the Eastern Slavs and those who plan to someday marry or arrange a celebration for their loved ones.

Keywords: Slavs; wedding; bride; groom.

Свадьба – одно из самых трогательных событий в жизни каждой девушки и парня. Современный свадебный обряд сохранил огромное количество черт, которые, безусловно, относятся к язычеству.

Во многих древних летописях упоминается, что сама свадьба у язычников начиналась намного раньше ее празднования. Обряд начинался со сватовства и сговора, заключенного между парнем и девушкой и их родителями. Важным было получить именно согласие родителей. Участвовали в этом действии старшие родственники жениха и невесты, а в качестве сватов выступали те, кто был удачлив в семейной жизни.

Славяне верили, что покровительствовал этому процессу бог Велес, именно поэтому обращались к нему с просьбами о помощи в этом действии [2, с. 156].

После этого начинался этап состояние «просватанья». Он означал ограничение жениха, символическое умирание невесты. Действиями этого периода были мальчишники и девичники. Они популярны и в наше время. Мальчишник проходил за день до свадьбы, либо за несколько дней до нее, которые начинаются от дней рукобитья (обручения, помолвки, или заручины). Особенность этого действия заключалась в обрядовой пирушке со своими неженатыми друзьями. Таким образом, парень прощался с беспечностью, холостой жизнью, гуляньями.

Девичник совершался либо в любой день со дня рукобития, либо за день до самой свадьбы. На нем невеста прощалась со своим девичеством, легкой и простой жизнью. Все девушки гуляли и веселились в этот день. Однако на русском Севере девичник начинался не весельем, а плачем, причитаниями, поэтическими сожалениями. Так провожали девичество и прощались с ним навсегда.

Накануне свадьбы невеста мылась, смывая с себя все признаки мира «этого», что сходно с подготовкой к погребению. Со стороны жениха снаряжалась «дружина», готовая к предстоящему путешествию в «иной» мир, где обитает невеста.

Этот поход за невестой напоминал военный поход. Выстраивался свадебный поезд на манер дружины. Он состоял только из мужчин. Впереди ехали старшие родственники, далее все остальные. Походом руководили старшие поезжане (воевода, тысяцкий) [4, с. 168].

На пути поезда встречались препятствия, как, например, загораживание дороги. У ворот нужного двора дружина жениха снова ступала в «сражение». Затем наступал «захват» невесты. Невесту либо воровали, либо родственники передавали ее добровольно.

После захвата невесты дружина жениха отправлялась на кладбище, где происходило поминовение умерших предков и представление им невесты. Славяне верили, что таким образом получают благословление от предков и ощущали взаимосвязь с ними. Это было очень важно для продолжения рода, когда они захотят, чтобы в их семье воплотился кто-либо из рода мужа и жены.

Потом будущие муж и жена ехали в дом жениха, что знаменовало его возвращение и его спутников из «иного» мира. Здесь невесте меняли причёску с девичьей на женскую, так как принять в род новую «дочь» могла только мать жениха и старшие женщины.

Далее молодых «соединяли» и трижды проводили вокруг стола, печи или самого дома. Это означало приобщение невесты к новому роду. После этого невеста получала новый статус и переставала быть «иномирной» сущностью. Фактически в этот момент она рождалась заново, в новом качестве [1, с. 145].

После этого начинался свадебный пир. Свадьба заканчивалась брачной ночью и «вскрытием молодых». Этот ритуал делал её настоящей женой.

Интересным был обряд под названием – вьюшник. Он был ознаменован поздравлениями, хороводами, величаниями, чествованием молодых, которые вступили в семейный союз в течение текущего года. Этот обряд завершал долговременный период послесвадебного периода времени [3, с. 465].

Таким образом, славянская свадьба была делом не одного дня, а целого периода, важного как для молодых, так и для других участников. Несмотря на утраченные традиции, славянская свадьба все еще продолжает существование в разных культурах и народах славян.

Библиографический список

1. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. 389 с.
2. Морозов И. А. Женильба добра молодца. М.: Лабиринт, 1998. 459 с.
3. Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки XI – XII вв. – М. – Л.: Наука, 1966. 569 с.
4. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. 289 с.

III. LANGUAGES AND LINGUISTIC CULTURE OF SLAVIC NATIONS AS THE REFLECTION OF THEIR ETHNO-CULTURAL CONSCIOUSNESS

THE POTENTIAL DEVELOPMENT OF THE *LIFE* LEXEME IN THE ASSOCIATIVE FIELD ASPECT

M. K. Pak
T. V. Dolgova

*Doctor of Philology, professor,
undergraduate student,
Ye. A. Buketov Karaganda State University,
Karaganda, Kazakhstan*

Summary. This article provides the explorations in the associative field of *life* lexeme at the diachronic level using data from associative dictionaries compiled in different periods. Since the research allows us to identify the political, economic, social, and cultural situation prevailing at that time. Sacred concepts that are correlated with *life* in Kievan Rus are replaced by others that emphasize the ambivalent perception of life, the awareness of processuality and its length over time. The comparison of reactions according to gender and age principles reflects the uneven perception of *life* by men and women, as well as people of different generations.

Keywords: linguocultural life; associative field; associate; stimulus; reaction.

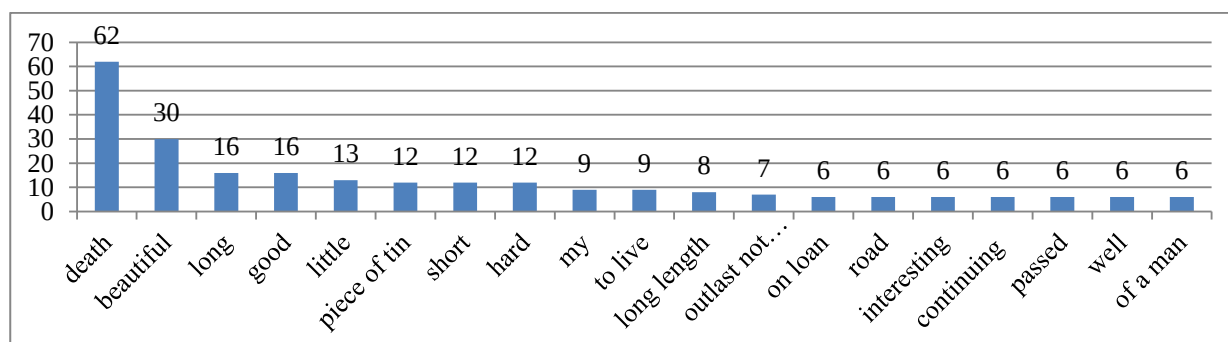
The associative field allows reflecting the interconnection of language and culture most clearly, while demonstrating the cohesion of the universal and ethnically specific, universal and individual, past and present. If the analysis of the semantic structure of the word allows to see the past and reflect the present, then the study of associates is to suggest the future direction of the development of semantic and linguocultural potential. The importance of studying the associative field when designing the structure of linguoculture was indicated by N. V. Ufimtseva, because “the associative field obtained as a result of a mass associative experiment is a reflection of the knowledge that lies behind the word in a given culture, that is, it reflects its significance precisely as a sociocultural reality” [1, p. 15]. Tracing the categories conceptualization of *life* and *death* from the period of the Old Slavic language functioning to the present, T. I. Vendina uses the concepts with which *life* was associated in Kievan Rus: *current, movement, path, labor, suffering, soul, gift of God, duty* [2].

The value of using these associative dictionaries is undeniable, since, on the one hand, as one of the authors of this type of dictionaries correctly noted Karaulov Y. N., such a “dictionary is a cast from an associative-verbal network reflecting the organization of a person’s linguistic ability, it contains information that applies to all three levels of a linguistic personality: grammatical and semantic (“linguistic” in the narrow sense of the word) cognitive (or level of knowledge about the world) and pragmatic” [3, p. 8]. On the other hand, associ-

ative dictionaries compiled in different periods reflect the current political, economic, social, and cultural situation. So, N. V. Ufimtseva comparing the data of chronologically different associative dictionaries notes the absence in the minds of young carriers of the Russian culture of sacrifice and altruism, unlike the previous generation [1, p. 16], as an explanation for this, she cites the words of Panarin A. that “today, through the efforts of liberal propaganda, an squeamish-cautious attitude towards a sacrificial, altruistic consciousness is being formed ... As for consumer-hedonistic consciousness, they see in it a mysteriously laid down program of “rationalization” [4, p. 601].

A good material for the analysis of the associative field is offered by the resource Associative experiments and online dictionaries, located at the link <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/>. This resource gives the following result upon request *life* (direct request): total responses to the stimulus – 534, various reactions to the stimulus – 234, single reactions to the stimulus – 172, failures – 2. The most frequent ones are presented in Diagram 1 with normalization in frequency from 1.

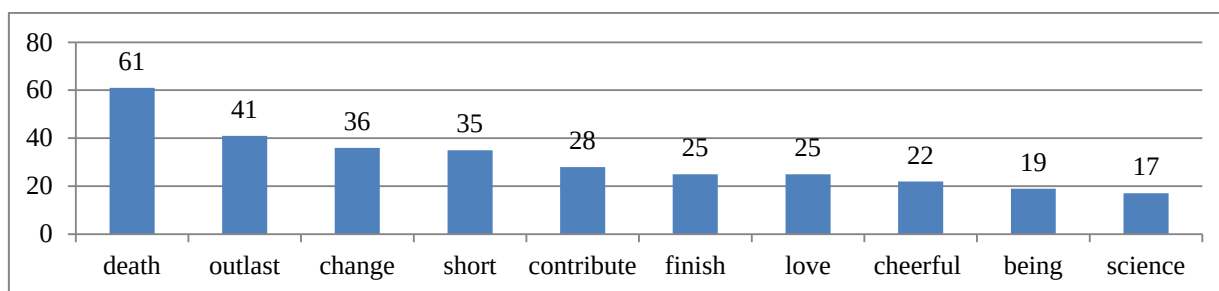
Diagram 1. Frequency of responses to stimulus *life* (direct request)

From diagram 1 it can be seen that the idea of the continuity of connections in the minds of Russian native speakers is at the core. There is also an ambivalent perception, while a positive assessment (*beautiful* – 30, *good* – 16, *interesting* – 6, *well* – 6) is more common than negative (*piece of tin* – 12, *hard* – 12, *outlast not crossing the field* – 7), which is not typical for phraseology and paremia. It should be noted that awareness of *life* as a *road* (6), processuality (*continuing* – 6, *passed* – 6, *to live* – 9), its length in time (*long* – 16, *long length* – 8, *little* – 13, *short* – 12), which characteristic of linguistic culture in the space of phraseology and paremia. A conscious private person of *life* discusses himself (*my* – 9, *of a man* – 6), which is observed in the phraseology of the modern period.

For the objectivity of the conclusions, we compare the results of the direct dictionary with the inverse in diagram 2 taking into account data with normalization in frequency of 1.

Diagram 2. Frequency of causing reaction to stimulus - *life* (reverse request)

From diagram 2 it is also noticeable that *life* is the *death* of the most frequent reactions to the stimulus (61), processability is also traced (*outlast* – 41), length in time is indicated but with only one member of the opposition (*short* – 35), score with only one member of the opposition (*to love* – 25, *cheerful* – 22). At the same time, non-frequent reactions in the direct dictionary are noted with an emphasis on the active participation of a person (*change* – 36, *contribute* – 28). The associations of life and the road are replaced by new ones: *being* – 19 and *science* – 17, which shows the ways of further changes in the semantic and linguocultural structure.

Using the direct dictionary of the specified resource we have noted that the features of the reaction to the stimulus *life* in gender and age aspects. Since the number of men (169) and women (365) surveyed is significantly different, not the number of reactions, but their frequency was used for objectivity of comparison. The most popular responses of men are presented in diagram 3, women – in diagram 4 (normalization in frequency – from 1).

Diagram 3. Frequency of responses to stimulus – *life* (men)

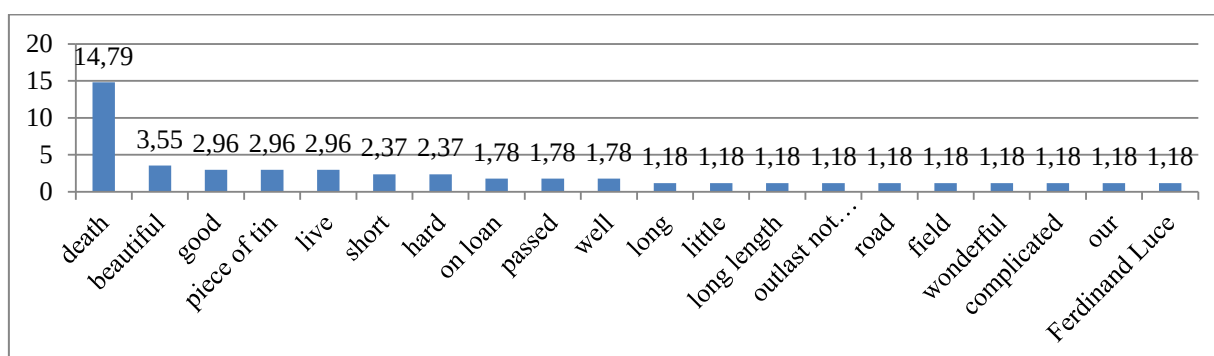
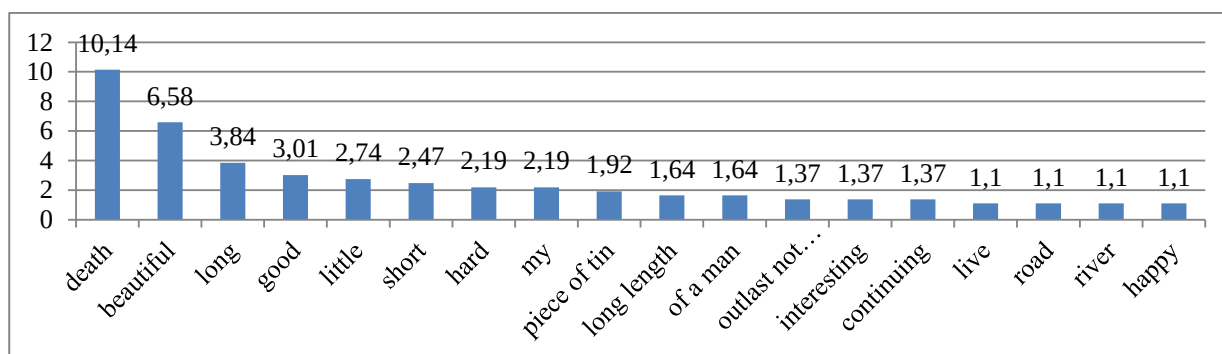

Diagram 4. Frequency of responses to stimulus – *life* (women)

From diagrams 3 and 4 it is obvious that women perceive *life* more positively than men. So, among women there are much more positively labeled associations (compare positive: *beautiful* – 6.58, *good* – 3.01, *interesting* – 1.37, *happy* – 1.1; negative: *heavy* – 2.19, *piece of tin* – 2.19), while in men the prevalence of positives is observed with a smaller gap (positive: *beautiful* – 3.55, *good* – 2.96, *well* – 1.78, *wonderful* – 1.18; negative: *piece of tin* – 2.96, *hard* – 2.37, *complicated* – 1.18). Despite the fact that both of them need to *live life*, it has passed in men, and continues in women, while men have a static life (*field* – 1.18), and women – mobility (*river* – 1.1) Another remarkable feature of men is the perception of *life* as *ours* (1.18), while for women it is *mine* - *my* (2.19). It is also noteworthy that among men's reactions, the reaction of Ferdinand Luce (1.18), which arose probably under the influence of the Soviet political detective "Life and Death of Ferdinand Luce", filmed in 1976, turns out to be quite frequent, while this association disappears among reactions of men under 32.

The comparison of reactions depending on the age of the respondent is also indicative. Resource Associative experiments and dictionaries online offer a survey of people from 14 to 57 years. Based on this, we can compare the value series of three generations: from 14 to 20 (312), from 21 to 40 (202) and from 41 to 57 (20), reflected in diagrams 5, 6, 7. Due to the unequal number of groups for the purpose of objectivity when comparing, the analysis did not use the number of reactions, but their frequency (from 1 and above).

Diagram 5. Frequency of reactions to stimulus *life* (from 14 to 20)

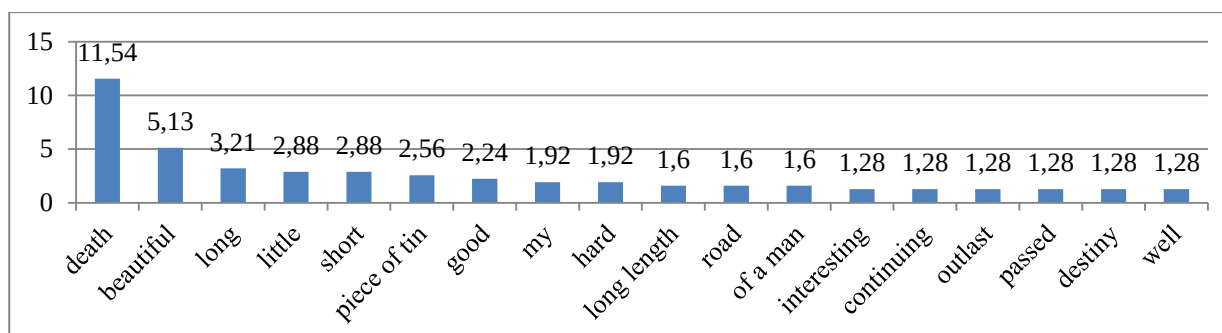

Diagram 6. Frequency of reactions to stimulus *life* (from 21 to 40)

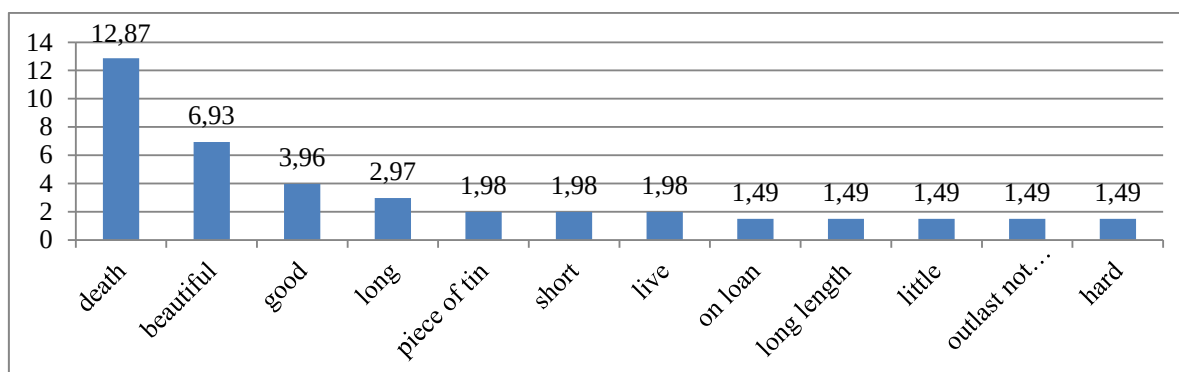
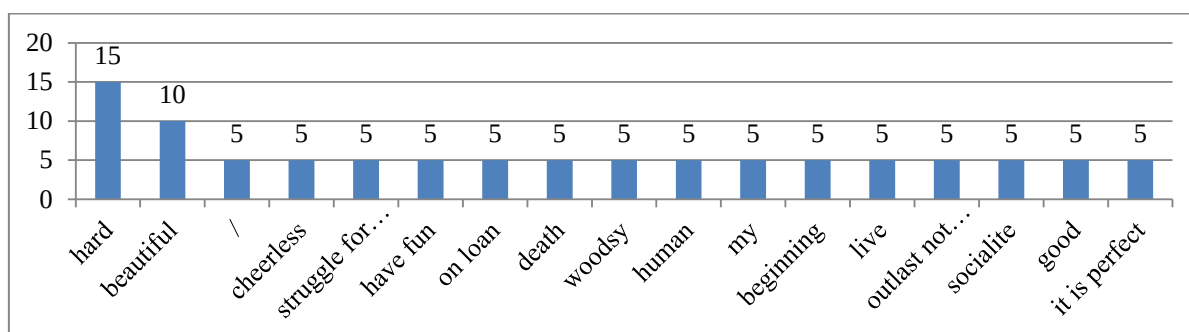

Diagram 7. Frequency of responses to stimulus *life* (41 to 57)

From diagrams 5, 6 and 7, it is possible to state that the leading *death* association disappears among reactions in the age group from 41 to 57; *death* is also expressed only in combination (5), also among respondents aged 41 to 57 there is no duration (no reactions *long*, *long length*, *short*, *little*). In all age groups, there is a perception of *life* with both a positive assessment and a negative one. The perception of *life's* belonging is interesting: if in the group from 14 to 20 it is clearly indicated – *my*, then in the group from 21 to 40 there is no belonging, and instead there is a reaction *on loan*, in the group from 41 to 57 there is a whole series: *my*, *on loan*, *human*, *socialite*, *woody*. So, there is a shift in attention from society to the individual. Also, the focus is drawn to the appearance among the most frequent reactions of *destiny* among respondents aged 14 to 20.

Thus, by analyzing the associative field of linguistic culture *life*, we can draw conclusions:

- 1) the use of associative dictionaries and experimental data in the design of linguistic culture *life* is important, since the reactions reflect socio-political and sociocultural characteristics at a certain time period;
- 2) the method of source analysis by T. I. Vendina has identified life-related concepts in Kievan Rus: *current*, *movement*, *path*, *labor*, *suffering*, *soul*, *gift of God*, *duty*; “*life*” is desacralized from this series in the minds of contemporary Russian native speakers, and therefore such reactions as the *soul*, *God's gift*, *duty* are not frequent;

3) the most frequent associations at present are the following: *death, beautiful, long, good, short, piece of tin, little, hard*. At the same time there is an ambivalent perception of *life*, awareness of processuality and its length in time, correlation with the *road*, which is also observed in phraseology and paremia;

4) the comparison of reactions on the basis of gender showed that despite the close perception of *life* by men and women, there are differences: *life* in female reactions is positive, mobile and belongs to them;

5) the study of associations depending on age confirmed the shift in life in the nuclear-peripheral device of linguistic culture: a person shifted the focus of attention from the space of social existence to himself, his inner world;

6) the detection in the reverse dictionary among reactions frequency such as *being, science*, and directly among respondents from 14 to 20 associations, *destiny* captures today's perception and, possibly, shows the vector of further development of the semantic and linguocultural structure of *life*.

Bibliography

1. Уфимцева Н.В. Жизнь как ценность: эволюция содержания // Вопросы психолингвистики. – 2016. – N 2 (28). – С. 15–19.
2. Вендина Т.И. Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры. – М.: Институт славяноведения РАН, 2007. – 336 с.
3. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности. – Режим доступа <https://gigabaza.ru/doc/124506.html> (дата обращения: 16.07.19).
4. Панарин А. Стратегическая нестабильность в XXI веке // Панарин А. Православная цивилизация. – М. Институт русской цивилизации, 2014. – 1239 с.

О ФОРМИРОВАНИИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ НОРМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА В СИБИРИ XVII ВЕКА (на материале памятников местной деловой письменности)

Л. А. Инютина
Т. С. Шильникова

*Доктор филологических наук, доцент,
кандидат филологических наук,
Новосибирский государственный
технический университет,
г. Новосибирск, Россия*

Summary. The problem of the formation of grammatical (syntactic) norms of the Russian national language in the Russian language of Siberia of the XVII–XVIII centuries is considered. The source base of historical and grammatical surveys has been expanded thanks to the involvement of Siberian humble petitions – poorly studied manuscript of business writing. As a result of the analysis of complex sentences, the characteristic features of changes in their structure are determined.

Keywords: Russian language in Siberia; humble petition; historical syntax; complex sentence.

Настоящая работа посвящена выявлению некоторых особенностей сложного предложения в сибирских текстах делового письма XVII в. «Синтаксис в языке – это уровень, который непосредственно служит созданию, хранению и передаче информации путем построения типичных формул и конструкций, способствующих выражению законченной мысли» [2, с. 391]. В свою очередь, синтаксис сыграл важную роль в становлении русских форм мышления, поскольку «сгущал прежде разрозненные лексические группы, неопределенные морфологические отношения и создавал новые грамматические категории» [2, с. 391]. Вместе с тем исторический синтаксис изучен в меньшей степени, чем лексикология или другие разделы истории русского языка, – констатируют исследователи [1; 3; 5].

С целью решения проблемы формирования грамматических (синтаксических) норм русского национального языка в русском языке Сибири XVII–XVIII вв. в работе проанализированы конструкции сложных предложений в текстах челобитных и определены особенности изменений в строении этих языковых единиц. Еще одна задача, решаемая в данной работе, – расширение источниковой базы историко-грамматических изысканий.

Научная новизна работы заключается в привлечении к исследованию сибирских челобитных XVII века, значительная часть которых ранее не изучалась, а томские челобитные до настоящего времени не изданы и доступны только в рукописях, хранящихся в РГАДА [4].

Материалом настоящего исследования послужили сибирские челобитные XVII в. – бесценный памятник истории русского языка, поскольку в них отражены особенности живой речи и языкового сознания местного населения того периода. Как известно, эти документы писались по самому животрепещущему поводу либо самими челобитчиками, либо местными, а не присланными из Москвы писцами. 12 енисейских челобитных (1626–

1654 г.) посвящены служебным делам: посылке служилых людей в новые земли, «поверстанию (‘призыву’) в государеву службу», переводу в другой острог, жалобам на самоуправство воеводы:

1) ...**а** к твоимъ гсдрвымъ ясачнымъ людемъ велѣл держати ласку и честь и береженъе **а** воеваті отнюд не велѣл **да** Васке жъ с товарищи велѣл он сыскавъ васанских людей говоріті **чтоб** они тебѣ гсдрю служили и прямилі и были под твоею црскою высокою рукою навеки неотступны и ясакъ от себя тебѣ гсдрю давали. 1626 г. [4, ст. 12, л. 18].

9 текстов томских челобитных охватывают период с 1624 г. по 1660 г. и описывают особенности и трудности организации сибирской пашни (для удобства анализа все примеры даны в сплошной нумерации):

2) **И** мы холопы твои видечі свою бѣдность и семеіство к твоему гсдрву хлѣбному годовому жалованю к своим окладом не в давних лѣтах почелі было пріпахіват не повелику **а** сѣлі гсдрь смотря по сѣмеіству и по рожитку по осмінке и по четверті или в силах по две; 3) ...написал (письменный голова) на нас на холопеі твоих тѣ наших саимчишки пашнямі и деревніами большима **а** нас холопеі твоих написал коренными заводнымі людьми... **а** житъем мы холопі твоі на тѣх своих заимчишках не живемъ **и** дворов и заводов деревенских хором у нас у холопеі твоих на тѣх наших пашиишках нѣт; 4) ...**и** на тѣх наших пашиишках тот хлѣб у нас у холопеі твоих по многие лѣта уходит под снег **потому что** снят ево некому. 1643 г. [4, е.х. 112, л. 412–415];

5) ...в прошлых гсдри в прежних годѣхъ пахали мы сироты ваши вашу гсдрву десятинную пашню въ вашемъ гсдве в Спаскомъ селѣ **и** по вашему великих гсдреи указу из вашего гсдрва Спаскова села мы сироты ваши переведены въ верхъ по томи рѣкѣ са сосновку реку на новое место... **а** въ вашем гсдрве в Спаском селе земли выпахалис **и** у лѣсу недород... 1659 г. [4, ст. 536, л. 266].

Сложные предложения (СП) часто употреблялись в деловых памятниках XVII в., отражая сложные причинно-следственные отношения внеязыковой действительности. Синтаксические отношения и средства их выражения в русском языке этого периода характеризовались диффузностью, синкретичностью и вариативностью. В сибирских челобитных зафиксировано значительное количество СП с паратактической связью («нанизывание»). Такой тип связи указывает на тяготение этих текстов к нормам устной формы речи: 6) ...**а** твоево гсдва хлебного жалованіа был нам холопом твоим из годово(во) оклада женатым по шті четі с осьминою ржи по четьріа четверті овса на члвку **и** нам холопом твоим тем твоим гсдрвым жъ хлебным жалованемъ годовым окладом с женишкама и детишкама без присевки не прокормица... 1643 г. [4, ст. 112, л. 412]; а также контексты № 1, 2, 3, 5. Как правило, это были сложносочинённые предложения (ССП). Основным средством связи частей ССП являлись сочинительные союзы **и**, **а**, **да**.

Следует отметить активное использование этих союзов в позиции начала самостоятельного предложения, в которой они отличались по значению (начинательно-соединительное или сопоставительно-противительное) и по выполняемой функции: 7) *А человекно я бедной і одинокою и ребятишка у меня маленькие...* 1650 г. [4, ст. 381, л. 370], ср.: № 1, 2, 4, 6.

Синтаксический анализ челобитных позволяет говорить о вполне сложившейся структуре ССП в языке XVII в. Отмечены следующие типы предложений: ССП незамкнутой (открытой) структуры, состоящие из двух, трёх и более равноправных по отношению друг к другу предикативных частей (контексты № 3, 5, 8), и ССП закрытой структуры, состоящие обычно из двух частей (контексты № 1, 6). Количество частей в ССП открытой структуры определялось описываемой в документе ситуацией, его общим содержанием, коммуникативными задачами (то есть не столько структурно-языковыми, сколько экстралингвистическими факторами).

Предикативные части ССП вступали между собой в определённые логико-семантические отношения: соединительные и сопоставительно-противительные. Соединительная связь частей ССП в сибирских челобитных XVII в. осуществлялась при помощи союзов *и, да*. Наиболее употребительным и стилистически нейтральным являлся союз *и*: 8) *Да в прошлом гсдри в Рѣз году волею бжиею зима стала скорая и снеги укинули большие и хлебы всякие запали с семеніа дни...* 1659 г. [4, ст. 536, л. 113], см. также контексты № 5, 6.

В отличие от современного русского языка, в текстах челобитных союз *а* тоже употреблен в соединительном значении: 9) *...сироты твоі привоклис в томскои город толко чюд живы разорены до основания а в томском городе по твоему гсдву указу посажены мы сироты твои на твою гсдрву пашию на новое место са басандаікою рекою...* 1634 г. [4, ст. 109, л. 52], см. контексты № 2, 3. Однако ССП с союзом *и* количественно преобладают вследствие того, что именно этот союз становился типовым средством (нормой) выражения соединительных отношений в русском языке.

В анализируемых текстах широко представлены предложения, выражавшие сопоставительно-противительные отношения. Средством связи в таких ССП были союзы *а, да*. В сибирских челобитных наиболее употребительным из них являлся союз *а*: 10) *И твоя гсдрва пашия ниши заимки запустеет а деті моі Максимко да Івашко да Миколка воеводе ш теодора Полибина не служивали...* 1648 г. [4, ст. 307, л. 264]; также в контекстах № 1, 5.

Как видим, в XVII в. сочинительные союзы еще отличались многозначностью, граничившей с синкретичностью: любой из них мог объединять структурные части ССП, находившиеся в соединительных, противительных и присоединительных отношениях, либо стоять в начале предложения. Так, в предложении №5 союз *а* одновременно выражает сочини-

тельное (сопоставительное) и подчинительное (причинное) значение. Тем не менее процесс закономерной специализации и нормализации средств связи, безусловно, в сибирских текстах прослеживается столь же последовательно, что и в общерусских.

Исторически появление письменной формы речи сыграло большую роль в развитии синтаксиса, так как на письме «оказалось возможным отрабатывать сложные конструкции, редактируя и совершенствуя тексты». Сложное же предложение, по мнению историков языка, вообще развивалось в письменной форме [2, с. 392].

Поскольку основной задачей деловых документов является представление всех обстоятельств дела во всех их логических взаимоотношениях, сложные предложения с развитой системой подчинительных связей в них также представлены. Типичными для исследуемых текстов являлись СП, в которых подчинительный союз выступает совместно с сочинительным: 11) *а у меня сироты твоево твоеі гсдрвои пашни пахат некому **потому что** у меня дети не а я сирота твои не заволодею... без ногъ и без рукъ на разных муках на пытках замучен **и** твоеі гсдрвоі пашни у меня пахат некому*. 1648 г. [4, ст. 507, л. 264], см. также контекст № 4.

В сибирских челобитных XVII в. встречаются разные модели построения сложноподчиненного предложения (СПП). Это обусловлено, очевидно, синтаксическими особенностями самого жанра челобитных. Необходимость разъяснения причин и мотивов, послуживших поводом для написания челобитных, обязательность аргументации просьбы обуславливали наличие в структуре этих документов мотивировочного раздела. В них преобладали СПП с придаточными причины. Большинство таких СПП в текстах сибирских челобитных XVII в. оформлено исконно русскими подчинительными союзами *потому что, для того что, что*:

12) *да в ннешнем гсдръ во РМѠ-году ... хлѣба недород **потому что** гсдръ была сіма студенаіа **а** снегі былі мѣлкіе **и** на тѣх на наших пашиішках на горах рож исчезлі корену выдула*. 1643 г. [4, ст. 112, л. 417]. См. контексты № 4, 11.

В текстах сибирских челобитных отмечены СПП:

- с придаточными цели (союзы *чтобы (чтоб), потому чтоб*): 13) *...а нне гсдрю въ Енесеіском остроге воеводам посадѣкие люди **чтоб** нас приверстат к ним посадѣким людям...* 1650 г. [4, ст. 337, л. 230];
- с изъяснительными придаточными (союз *что*): 14) *...а сказал мне холопу твоему **что** есть де у нег твои гсдрвъ указ...* 1654 г. [4, ст. 344, л. 668];
- с придаточными сравнения (союз *так же как*), а также с несколькими придаточными: 15) *...вели гсдръ нам дать свою гсдрву грамоту въ Енесеіскоі к воеводе **чтоб** намъ быти в твоеі гсдрве службе по прежнему въ Енесеіском в казаках **так же как** родители ниши служат Тоболску і в Томском и на Тюмени і в Кузнецком остроге...* 1650 г. [4, ст. 373, л. 230].

Появление таких сложных конструкций было обусловлено развитием мышления, более широким и глубоким познанием объективной действительности, совершенствованием языка как средства общения и как средства выражения усложняющихся способов познания.

Таким образом, в текстах сибирских челобитных отражена характерная для начального периода формирования русского национального языка система СП. С одной стороны, употребление ССП встречается почти в три раза чаще, чем СПП, то есть сочинительная связь (паратаксис) по-прежнему преобладает над подчинительной. Сочинительные и подчинительные союзы диффузны и не избавились от синкретичности. С другой стороны, это вполне сложившаяся структура ССП и СПП, в которой наблюдаются динамические процессы: совершенствование и выработка общерусских норм построения и употребления СП, активное развитие специализированных грамматических средств связи.

Библиографический список

1. Инютина Л. А., Шильникова Т. С. Особенности становления русского языка и формирования грамматической нормы в деловой письменности Западной Сибири XVII—XVIII веков // Научный диалог. – 2017. – № 11. – С. 64–76. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-64-76
2. Колесов В. В. Историческая грамматика русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации. – СПб.: СПбГУ, 2010 – 512 с.
3. Панин Л. Г. История церковнославянского языка и лингвистическая текстология. – Новосибирск: Изд-во НИИ МОО НГУ, 1995. – 217 с.
4. РГАДА – Российский государственный архив древних актов. Фонд 214 – Столбцы и книги Сибирского приказа.
5. Сабельфельд Н. М. Язык сибирских памятников письменности XVII века // Τέχνη γραμματικῆ (Искусство грамматики). – Новосибирск: Изд-во НГУ; Православная Гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского, 2006. – Вып. 2. – С. 461–472.

ТУРЕЦКО-ТЮРКСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ. ИСТОРИЯ ОДНОГО ЗАИМСТВОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСЕМЫ «ЖЕМЧУГ»

А. Г. Сидорова
П. И. Штуль

Учитель,
учащаяся,
Средняя общеобразовательная
школа № 28,
г. Череповец,
Вологодская область, Россия

Summary. Our work is called: “Turkish-Turkic borrowings in the Russian language (the story of a single borrowing on the example of the word “pearl” – “zhemchuzhina”). Our research is relevant because at the moment there are practically no works that are devoted to Turkish-Turkic borrowings.

We managed to find works that are devoted to studies of Turkish-Turkic borrowings in the Russian language. In our work we will rely on the works of A. N. Kononov, N. A. Baskakova, V. V. Radlova, N. K. Dmitrieva, I. I. Nazarova, R. A. Yunaleeva.

The sources of our material were the Turkish-Turkic borrowings, reflected in the etymological dictionaries of the Russian language by M. Fasmer and A. G. Preobrazhenkiy, in the "Dictionary of Turkism in the Russian language" by E. N. Shipova, in the works by M. R. Fedotov and I. G. Dobrodomova.

The results of our work can be useful for teachers of the Russian language. It is possible to use the material in extracurricular activities in courses related to the history of the Turkic people, as well as in compiling etymological and explanatory dictionaries.

Our research has shown that Turkish borrowings occupy a prominent place in the Russian language. Language contacts related to the public history of the Turkic and Slavic peoples didn't begin in the 10th century, as it is commonly believed, but much earlier and they continue up to now. It is possible to identify the source of borrowing correctly only taking into account the historical principle of etymology. Features of the Turkish lexemes mostly appear at the phonetic, lexico-semantic and morphemic-morphological levels. The most striking feature of Turkism, in our opinion, is the repetition of vowels within a word (etc. "ataman", "baraban"). 2) Only all soft consonants or only all hard consonants are used in words (etc. "mishen" and baskak"). The lexico-semantic peculiarities of turkism are as follows: 1) the preservation of the lexical-semantic structure of the word unchanged (etc. in Turkish, the word "bogatyр" means "a strong man, a brave warrior." The word has the same meaning in Russian. 2) The narrowing of the meaning ("orda"). 3) expanding the meaning ("baraban"). 4) rethinking of the meaning ("balda"). Among the morphological features, it can be noted that Turkish words most often have final sounds — ul, al (karaul), Baikal), ei ("kaznachei"), — cha — ("epancha"). They are ancient suffixes, which are used in Turkish from ancient times. The word "pearl" — "zhemchuzhina" is borrowed from the ancient Turkic not later than the 12th century.

Among the morphological features, it can be noted that Turkish words most often have final sounds — ul, al (karaul), Baikal), ei ("kaznachei"), — cha — ("epancha"). They are ancient suffixes, which are used in Turkish from ancient times. The earliest source in which the word can be found is the "The Word about Igor's regiment". In Turkish, the words "zhemchug" and "zhmchuzhina" are the synonyms. In the Russian language, there are two words "zhemchug" and "zhemchuzhina". In Turkish, an adjective "zhemchuzhnyi" can be formed from the word "zhemchug" (affixally using the suffix -Li -). In Russian, however, we have a chain: zhemchug-zhemchuzhnyi-zhemchuzhno (the first part of compound words and an adverb). In Russian language there is a word "zhemchuzhnitsa" with the meaning "animals' disease". Analyzing the contexts of the usage of this word, we came to the conclusion that now the word "pearl" — "zhemchuzhina" has become the part of Russians' active vocabulary and very few people know that in fact this word was borrowed from the Turkic languages.

Keyword: Turkish-Turkic borrowings; a single borrowing; zhemchuzhina.

Коренные изменения в жизни российского общества, которые привели к значительным изменениям в мировоззрении русского человека, не только привлекли внимание к природе национального, но и предопределили интерес к изучению различных форм общения и взаимовлиянию народов [5, с. 63]. Одна из таких форм пролегает в сфере языковых заимствований.

В русском языке немало слов турецко-тюркского происхождения, однако специальных исследований, посвященных этим заимствованиям, нет. Отсутствуют и попытки вычленить турецкие заимствования в ряде

тюркских заимствований. Мы убедились в этом при обращении к базе диссертаций [эл. ресурс: rsl.ru].

В современном русском языке все чаще звучат иностранные слова, употребляя которые многие даже не задумываются об их истинном происхождении, потому что они настолько прочно влились в наш родной язык, что воспринимаются как исконно русские. Общаясь с друзьями и с людьми разных профессий, мы часто употребляем заимствования, много заимствований применяется и в СМИ. Тема заимствований широко отражена в Интернете, что говорит об актуальности данного вопроса в наши дни. Под заимствованием понимают элемент чужого языка, перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода из одного языка в другой [1, с. 58].

Славяно-тюркские языковые связи восходят к рубежу античности и Раннего Средневековья и сохраняются до наших дней. Выявляются исторические области наиболее активных славяно-тюркских влияний: Причерноморье, Среднее Приволжье, Крымский полуостров, Северный Кавказ, Приуралье, Казахстан и Средняя Азия [5, с. 23].

Тюркизмы в русском языке – слова, заимствованные из тюркских языков в русский, древнерусский и праславянский языки в разные исторические периоды. Через посредство тюркских языков в русский (как и в западноевропейские языки) попали также и слова арабского и персидского происхождения, имеющие поэтому лингвистический статус тюркизмов (например, *хозяин* или заимствованные из западноевропейских языков *диван*, *киоск*, *халва*). Тюркизмами называются также слова тюркского происхождения независимо от языка-посредника [5, с. 24].

Источников тюркизмов много и они достаточно разнообразны. Их достаточно сложно выделить на практике, поскольку помимо турецкого языка к тюркским следует относить такие этносы, как авары, болгары, гунны, гагаузы, половцы, кипчаки, тюркские народы России и хазары. Некоторые языки на данный момент являются мертвыми. Это аварский, кипчакский, гуннский. Большинство тюркских языков существуют и сейчас: татарский, чувашский языки.

Сам турецкий язык включает в себя множество разнородных элементов на всех уровнях: общетюркские, мусульмано-тюркские, огузские, турецкие, регионально-турецкие. При этимологизации заимствованных слов должны учитываться все признаки.

Сложность классификации турецкой лексики состоит и в том, что турцизмы попадают в русский язык не только через прямое заимствование (непосредственно из турецкого языка), но и через восточно-славянские, южно-славянские, западно-славянские языки, через языки Азии, Кавказа и Причерноморья.

По данным словаря М. Фасмера, лексема «жемчуг» была заимствована в 12 веке, эта лексема впервые встречается в надписи Ефросах [17, с. 141]. Можно предположить, что в литературном произведении она впервые используется в «Слове о полку Игореве».

По данным толкового словаря русского языка Даля [2, с. 69], у лексемы выделяются следующие лексические значения: 1) Самородные шарики, образующиеся в раковинах. 2) Редкость, драгоценность, особенно о красавицах. 3) Кокошник, сорока, украшенная жемчугом 4) Наросты на оленьих рогах.

По данным толковых словарей, русский язык содержит еще лексему «жемчужина» с лексическим значением: 1) Отдельное зерно жемчуга, 2) перен. сокровище, лучшая драгоценность [2, с. 70].

Анализ турецко-русского словаря [1, с. 48] показал, что в турецком языке нет слова «жемчужина», однако лексико-семантическая структура этого слова включена в лексическое значение слова «жемчуг».

Применив классификацию заимствований Крысина [7, с. 102], мы пришли к выводу, что лексема «жемчуг» является прямым заимствованием, хотя автор классификации выделяет еще иноязычные выражения, кальки, гибриды, экзотизмы и профессионализмы.

В нашей работе анализируются отдельные примеры использования лексемы «жемчуг». Источником примеров стали материалы, выбранные сетью Интернет.

По данным толкового словаря Даля мы выделили 4 лексических значения у этой лексемы, о чем мы сообщали ранее. Словарь современного русского языка в 17 т. [15, с. 188] выделяет следующие значения: 1) Драгоценное круглое образование круглой, овальной или неправильной формы белого, розового или черного цвета, возникающие в раковинах некоторых моллюсков. 2) Изделия, украшения из таких образований. Мы видим, что с 19 века и до наших дней лексическая структура слова не изменилась и включает в себя следующие элементы:

- 1) Драгоценные перламутровые образования.
- 2) Изделия, украшения из этих образований.
- 3) Перен. лучшая драгоценность (о красивой женщине или девушке).

Мы нашли следующие примеры употребления лексемы в 19 веке, указанные в Интернете.

1. Пушкина «Русалочка» [14, с. 196]. Князь, покидая обманутую им девушку, одевает ей на шею нитку жемчуга. [лексема употребляется в значении «изделие из жемчуга»].

2. Н. А. Некрасов. Поэма «Мороз, Красный нос» [10, с. 93]. В поэме повествуется о том, как горевала в лесу овдовевшая Дарья, прямо уподобляет ее слезинки [лексема употребляется в значении «драгоценные перламутровые образования»].

3. Роман Достоевского «Идиот» [3, с. 108]. Генерал Епанчин дарит Настасье Филипповне нитку жемчуга, поскольку боится, что женщина расскажет всем об их отношениях [лексема употребляется в значении «изделие из жемчуга»].

4. Тургенев. Повесть «Песнь торжествующей любви» [14, с. 89]. В повести тоже появляется образ жемчуга. Нитку жемчуга дарят Валерии. С этого подарка и началась таинственная магия обольщения, воздействие ко-

торой привело Валерию, помимо ее воли, в объятия Муция [лексема употребляется в значении «изделие из жемчуга»].

5. Мей. Царская невеста [9, с. 390] реализовался и пушкинский мотив: жемчуг, подаренный Любаше, оказывается вестником печали и скорой разлуки с возлюбленным. В другом же эпизоде пьесы жемчуг выступает в роли приворотного талисмана. Сабурова рассказывала, как во дворце происходил выбор царской невесты и как разряжены были представленные царю красавицы [лексема употребляется в значении «изделие из жемчуга», поскольку героине были подарены не перламутровые образования, а какое-то изделие из них].

Мы убедились в том, что образ жемчуга, окруженный ореолом таинственности и неразрывно связанный с драматическими любовными коллизиями, стал в русской литературе символом вечной как мир женской печали.

Контексты употребления этого слова в 19 века помогли нам прийти к выводу, что сейчас слово «жемчуг» стало частью активного словарного запаса русского человека и мало кто знает, что на самом деле это слово было заимствовано из тюркских языков.

Библиографический список

1. Богочанская Н.Н., Торгашова А.С. . Большой турецко-русский и русско-турецкий словарь. М., 2014.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр.ст. / В. И. Даль; совмещ. ред. изд. В. И. Даля и И. А. Буэна де Куртенэ [науч. ред. Л. В. Беловинский].-М.,2009.-573 с.
3. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973. Т. 8.
4. Дыбо А. В. Реконструкция праогузского спряжения.//Труды Института восточных культур и античности. Аспекты компаративистики. М.,2006.
5. Кайдаров А.Т. Развитие современного уйгурского литературного языка, Алма-Ата.,1969.
6. Керами Ю . Турецкие заимствования в русском языке.М.,2004.
7. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке . М., 1968.
8. Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. 7. С. 442.
9. Мей Л.А. Избранные произведения. Л., 1972.
10. Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1982. Т. 4.
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка/ Под ред. Н.Ю. Шведовой.-22-е изд., стер.-М.: Рус.яз.,1990.
12. Островский А.Н. Собрание сочинений в 6 т. М.,2003.
13. Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980.С. 382.
14. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1948. Т. 7. С. 196.
15. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 Т./В.И. Даль.Т.1.-М., 1989
16. Тургенев И.С. Полн. собр. соч.: В 5 т., М.,1979.Т.3.С.89.
17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т.: Пер с нем.-2-е изд., стереотип.-М.:Прогресс,1986.-Т.1.-576 с.

IV. INTERLINGUISTIC CONTACTS OF SLAVIC AND OTHER NATIONS

РУСИЗМЫ В ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ ТОРНОВСКОГО ГОВОРА МОКША - МОРДОВСКОГО ЯЗЫКА

Н. В. Беленов

*Кандидат педагогических наук, доцент,
Самарский государственный социально-
педагогический университет,
г. Самара, Россия*

Summary. The article deals with the corpus of Rusisms in the geographical vocabulary of the Tornovsky dialect of the Moksha-Mordovian language on the Samara Luka. The study was carried out on the basis of the author's own materials.

Keywords: Russisms; geographic vocabulary; Mordvinians; toponymy.

Торновский говор мокша-мордовского языка – один из трёх бытующих в настоящее время на Самарской Луке мокша-мордовских говоров, с которыми он составляет особый самаролукский диалект мокша-мордовского языка [1, с. 107].

Данный диалект имеет ряд общих черт со смешанным диалектом мокша-мордовского языка (по классификации А. П. Феокистова) [3, с. 59], однако существенно отличается от последнего по ряду значимых характеристик, что и позволяет рассматривать его как отдельную единицу диалектной классификации. Говоры, составляющие самаролукский диалект мокша-мордовского языка, сами значительно различаются друг от друга – прежде всего, по лексическому составу. Сказанное относится и к географической терминологии данных говоров.

Так, в торновском говоре мокша-мордовского языка русизмами обозначаются такие базовые географические понятия как: река, овраг, ручей. При этом собственно мордовские лексемы для данных понятий в рассматриваемом говоре мокша-мордовского языка полностью утрачены (ПМА, Самарская область, Волжский район, Торновое, 2018).

Топонимия и географическая лексика торновского говора мокша-мордовского языка фиксировались и анализировались нами в течение полевых сезонов 2017–2018 годов.

В ходе данных исследований было установлено, что один из наиболее распространённых мордовских географических терминов («ляй/лей» для обозначения рек и, иногда, оврагов) в данном говоре отсутствует – как, впрочем, и в соседнем шелехметском говоре мокша-мордовского языка, где термин «река» информаторы склонны определять как «общий русско-мордовский» (ПМА, Самарская область, Волжский район, Шелехметь,

2018). Надо отметить, что в данном случае нельзя однозначно утверждать о вытеснении термина «ляй/лей» в данных говорах русским заимствованием «река». Так, согласно материалам Н. Витсена, относящимся ко второй половине XVII века, термин «lej» фиксируется лишь в значении «долина», река же обозначается, аналогично воде, термином «ved» [4, с. 244]. Отметим, что в ряде архаичных мордовских говоров обозначение рек термином «ved» можно встретить и в настоящее время – так, данный термин в указанном значении был зафиксирован нами в ходе полевых исследований старошенталинского говора эрзя-мордовского языка (ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Старая Шентала, 2019).

Географические понятия «ручей» и «овраг», являющиеся, в силу особенностей окружающего природного ландшафта, основными в торновском говоре, обозначаются здесь идентично, русизмом «баряк» (ПМА, Самарская область, Волжский район, Торновое, 2018). В русских говорах Самарской Луки данный термин имеет формы «буерак» и «барак» (ПМА, Самарская область, Волжский район, Подгоры, 2011).

Данный термин, являясь, в свою очередь, заимствованным в русском языке из тюркских, в рассматриваемый мокша-мордовский говор проник, по всей вероятности, из русских говоров – по крайней мере, в них он фиксируется на данной территории с последней четверти XVII века [2, с. 111].

Также надо отметить, что идентичность терминов для обозначения ручьёв и оврагов в торновском говоре мокша-мордовского языка, вероятно, исходит из природно-географических характеристик окружающей местности: большинство ручьёв здесь являются сезонными водотоками на дне каменистых оврагов.

Библиографический список

1. Беленов Н.В. Мокша-мордовская топонимия Самарской Луки. – Самара: Портос-принт, 2018.
2. Беленов Н.В. Чертёж Печёрской слободы 1684 года как источник по топонимии Самарского Поволжья//Актуальные вопросы филологии: теория и практика. – Волгоград, 2018. – СС. 110 – 115
3. Феоктистов А.П. Диалекты мордовских языков // Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki, 1990. Bd.I. S. LX–LXXXV
4. Witsen N. Noord en oost Tartarye. Amsterdam, 1692

V. PROBLEMS OF SLAVIC MINORITIES, DIASPORAS AND IMMIGRANT COMMUNITIES

ЧИТАТЕЛЬСКИЕ ИНТЕРЕСЫ ГЕРОЕВ В ПРОИЗВЕДЕНИИ А. ЖВАЛЕВСКОГО, Е. ПАСТЕРНАК «СМЕРТЬ МЕРТВЫМ ДУШАМ!»

Д. Р. Салахова

*Студентка,
Елабужский институт,
Казанский (Приволжский) университет
г. Елабуга,
Республика Татарстан, Россия*

Summary. The article discusses the current topic of preferences of modern students in choosing books. The main attention in the work is focused on the problem of erroneous representations of students about Russian classical literature. We concluded that children love to read, but they can choose bad books, so parents and teachers should help them.

Keywords: A. Zhvarevsky; E. Pasternak "Death to dead souls"; negative attitude to classical literature; school; students.

Жесткие рамки школьной программы отбивают в учениках желание читать классическую литературу. Детей заставляют составлять таблицы, писать сочинения на сложные темы, учить наизусть сухие факты биографии автора, за которыми не заметен живой человек. Такой подход к предмету вызывает ощущение, что все тексты, обязательные для прочтения в школе – скучные, трудные, недоступные. Поэтому школьники предпочитают книги с пёстрой обложкой и примитивным сюжетом. Такая проблема поднимается в произведении «Смерть мертвым душам» А. Жвалеvского и Е. Пастернак, в котором рассказывается, как в старую библиотеку с момента прихода практикантки Киры все изменилось: она, чтобы привлечь внимание любящих мистицизм подростков к чтению, провела шуточный обряд призвания второго тома «Мертвых душ». На полке действительно появилось сожженное Н. В. Гоголем произведение. Оно обиделось на своего создателя и всех классиков, и поэтому стало предводителем восстания против них и читающих людей. Хозяйка библиотеки, Елена Степановна, ушла в виртуальный мир, Кира зачиталась любовными романами, и только Валя, внучка Елены Степановны не поддавалась злым книгам и спасла всех от их влияния. Чтобы раскрыть озвученную проблему, авторы используют такой вид комического пафоса, как гротеск: главной героине кажется, что «книги начинали на нее тарашиться» [1, с. 1]. Авторы не просто используют постмодернистский прием интертекстуальности, используя коды мёртвых душ Н. В. Гоголя, но и расширяют проблематику, раскрывая пробле-

мы современности. Из диалога Вали и ее бабушки мы узнаем, что в картине мира читающих персонажей книги – живые собеседники, которые, как друзья, ответят на волнующие вопросы и помогут правильным советом: «Конечно, книжки с нами разговаривают. Я-то знаю! Я уже тридцать шесть лет их слушаю!» [1, с. 1]. Образно-символически появляются в произведении коды разных эпох: классическая литература выступает против современных новинок: у качественной, поучительной литературы есть антагонисты – новые книги, заказанные практиканткой Кирой в популярном издательстве. Чтобы их охарактеризовать, авторы используют прием цветописи: «Книжка в обложке ярко-малинового цвета» [1, с. 9], «Кислотные обложки» [1, с. 9], который придает их коннотации негативную семантику.

Произведения с броской обложкой привлекают внимание молодого поколения своей формой, но лишены содержания: «Валя (...) обнаружила совершенно пустые листы» [1, с. 9], а в случае, если оно присутствует, то вызывает в опытном читателе желание как можно скорее избавиться от лимонного цвета книг о феях и принцессах, поскольку не имеет нравственного, обучающего жизни смысла: «читаю и (...) как будто что-то в голову заползает! Я сразу закрыла и спаслась!» [1, с. 10] и издают давящий на голову гул, о котором мы узнаем на примере использованного авторами приема звукописи: «Героини весело болтали о нарядах и мальчиках, и их беззаботные голоса смешивались в один звонкий осиный зуд» [1, с. 10]. Их речь беспокоит не только действующим на нервы шумом, но употребляемыми словами. В языковом портрете серийных произведений проглядывается просторечная лексика с грубым оттенком: «На мелкую пофиг, ее никто слушать не будет, а вот рыжую надо убрать!» [1, с. 10]. Из-за такого языка в читателе формируется деструктивное поведение. Практикантка на час отвлеклась на новые книги в библиотеке, чтобы иметь о них представление, но уже за это время стала агрессивнее: «Кира, если тебе плохо, то лучше иди домой, – вступилась за внучку бабушка. “Достали!” – сказала Кира в сторону и продолжила читать. Валя с бабушкой переглянулись в полном недоумении» [1, с. 11]. Девушке было несвойственно отвечать на слова других со злостью. Второй том «Мертвых душ» и его армия в этот момент чувствовали себя победителями, потому что враг, Кира, поддался под их влияние. Целью глянцевого издания было искоренить интерес к классической литературе: «Собрать в один список книг сто (...) и всех обязать их читать. (...) – Мы экзамен введем. Обязательный. По всем ста книгам списка. Пересказы прочитают. А вас проклянут» [1, с. 20]. В ответ Н. В. Гоголь отчаянно восклицает: «Почему я не сжег все свои книги?» [1, с. 20].

Современники на книжной полке понимают Николая Васильевича, и каждый сожалеет о своем. А. Жвалевский и Е. Пастернак используют прием интертекста, обращая внимание на злободневные проблемы книжной культуры – классическую литературу не читают, поскольку детям изначально навязывают величие авторов и их произведений, не позволяя

школьникам самостоятельно дать оценку: «Не знаю, – вздохнул Пушкин (...) мне, конечно, приятно, что они помнят меня наизусть, но что они понимают» [1, с. 16], список обязательных книг не соответствует возрасту и уровню мышления учащихся. У детей еще нет должного опыта, чтобы понять смысл некоторых произведений, вследствие чего в подростковой среде складывается мнение, что классическая литература слишком трудна для восприятия: «Я так виноват перед детьми, – вздохнул Толстой (...) Я не для них писал. Я в шестнадцать лет “Войну и мир” не осилил бы. Да и зачем?» [1, с. 16], а сочинения заставляют писать на темы, которые были неоднократно изучены многими исследователями и написаны не одним поколением школьников: «Я-то радовался, когда Добролюбов статью написал (...) про мою Катерину (...) Мол, луч света. В темном царстве. Если бы я знал, сколько сочинений про это напишут...» [1, с. 16]. В XXI веке информация стремительно распространяется и становится в открытом доступе, поэтому учащимся несложно найти готовые работы и переписать их, чтобы получить оценку. То есть задания, направленные на высказывание собственного мнения учеников, составляются без учета их интересов. В результате дети готовы взяться за любую книгу, лишь бы не читать литературу, обязательную в учебном заведении: «Бери, бери, это “Капитанская дочка”, она у вас в школьной программе. “В программе? – задохнулась девочка. – Вот уж точно читать не буду! Я эту муть видеть не могу, сплошное занудство!”» [1, с. 14]. Такой подход может привести ребенка к рассказу, который не обогащает духовно ее обладателя, если взрослые не контролируют, что он взял с книжной полки.

Итак, в произведении «Смерть мертвым душам» авторы оживляют классическую литературу, наделяют голосом каждого писателя. Мы встречаем два типа читателей: с определившимся и не определившимся вкусом. Первые были с детства воспитаны на качественных книгах, свободное время проводили в библиотеке и поэтому с трудом воспринимают тексты, которые не несут в себе смысла, а в приоритете у вторых – развлечение. Они выбирают массовые книги с красивой обложкой, иллюстрациями и несложной сюжетной линией. Это случается, поскольку классическая методика обучения литературы в школе устарела, и к современным детям следует искать подход, который будет развивать в них заинтересованность словесным творчеством. Важный вывод – дети читают и хотят читать, но их читательский уровень, опыт различен, поэтому требуется дифференцированный подход.

Библиографический список

1. Жвалевский А., Пастернак Е. Смерть мертвым душам! – М.: Время, 2016. – 384 с.

VI. TEACHING SLAVONIC LANGUAGES, INCLUSION TO HISTORICAL-CULTURAL HERITAGE OF SLAVIC NATIONS

ИНВЕНТАРНАЯ ТАБЛИЧКА ИЗ ПИЛОСА

Г. Г. Котова

Кандидат химических наук,
Всесоюзный научно-исследовательский
институт Нефтепереработки,
г. Москва, Россия

Summary. In the ancient Greece of the Crete-Mycenaean period, in the II millennium BC, there existed several writing systems: Hieroglyphic (~2000 – 1800 BC), Linear A (~1800 – 1500 BC) and Linear B (~1500 – 1200 BC). According to the works of M. Ventris, Linear B is syllabic and ideographic, and all inscriptions are in ancient Greek language. In the present work the deciphering inscriptions on the tablet from Pylos, PY Ta 641, relating to the «Linear B». It is shown that the text is written in dialectal Russian language with alphabetic, consonant-vocalic writing.

Keywords: writing system of Crete; alphabetic letter in Crete; Linear B; Pylos Ta 641; Slavic writing of the II millennium BC.

Таблички с линейным письмом Б были обнаружены как на Крите, так и в материковой Греции, в Микенах и Пилосе. В Пилосе было найдено порядка 1200 табличек. Согласно работам М. Вентриса и Дж. Чедвика «линейное письмо Б» является *слогово-идеографическим*, а все надписи, им выполненные, осуществлены на *древнегреческом языке*. С использованием таблицы слоговых знаков М. Вентриса были прочитаны три тысячи табличек линейного письма Б и составлен словарь из 630 слов, из которых, однако, лишь *меньше половины расшифрованы достоверно* [11, с. 46].

Мы предположили, что разнообразные и сложные знаки на табличках письма А и письма В являются лигатурами, составленными из обычных букв, и, применяя такой подход, т.е., принимая критскую письменность за буквенную, прочитали 11 критских надписей, относящихся к линейному письму А и линейному письму Б [6], и показали, что нет никакой разницы между письменностями А и В. В настоящей работе дешифрована «инвентарная» табличка из Пилоса РY Та 641, относящаяся к линейному письму Б. Установлено, что табличка не является инвентарной, в ней говорится о посещении Пилоса и продаже или обмене *жира* на *жито*. Текст написан на диалектном русском языке и буквенной, консонантно – вокалической письменностью, точно так же, как и ранее прочитанные нами критские надписи.

Древний Пилос, упоминаемый в Илиаде словами *Нестор почтенный, песчаного Пилоса царь седовласый* (песнь вторая, стих 77) [2], был обнаружен в 1939 году археологами К. Куруньотисом и К. Блегеном на юго-западном побережье Пелопоннеса, в Мессении, в окрестностях хребта Ано-Энглианос (Ανω Εγκλιανός), в 13 километрах к северу от современного города Пилос, который располагается на берегу бухты Наварин Ионического моря. В результате археологических раскопок была найдена древняя столица мифологического царя Нестора, о чём свидетельствуют руины огромного дворца. Двухэтажный дворец, украшенный фресками, состоял из четырех основных и нескольких небольших зданий, имел 105 комнат, были мастерские, кладовые, ваннные комнаты и канализация [14]. В Пилосе К. Блеген за все время своих раскопок обнаружил около 1200 глиняных табличек и их фрагментов, относящихся к линейному письму Б, большая часть из которых находилась в маленькой комнате рядом с входом во дворец, вероятно, это был дворцовый архив [11, с. 29–31]. Рассматриваемую табличку К. Блеген нашел летом 1952 года, а прочитал ее с помощью слоговых знаков М. Вентриса весной 1953 года. Часть дешифрованного им текста приведена на рис. 1.

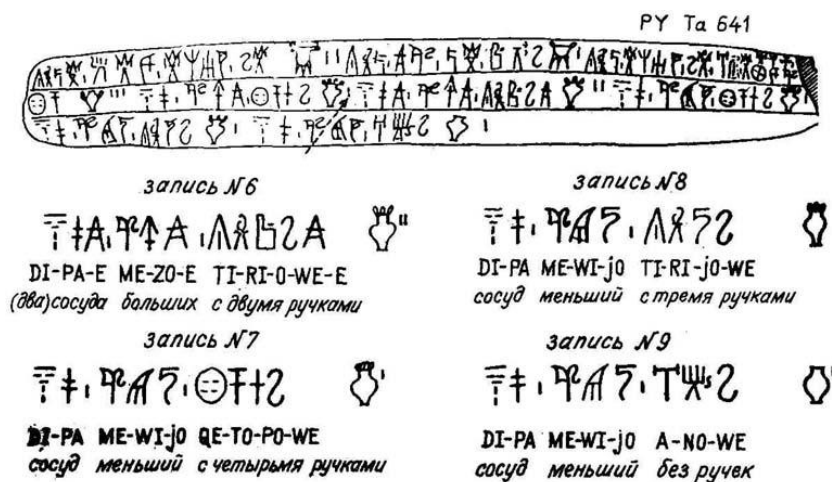

Рис. 1. Табличка Та 641 из Пилоса с идеограммами треножников и сосудов с различным числом ручек (здесь же дан анализ статей 6-9) [1, с. 55]. (Стрелка указывает на начало чтения «запись № 6». – Г.К.)

А. Бартонек уточняет: «В трех строках таблички слоговыми знаками записано 9 отдельных инвентарных статей и почти все они, кроме сильно поврежденной 3-й статьи, оканчиваются идеограммой, то есть, символическим изображением определенного предмета. Так, в первой строке дважды встречаем изображение треножника, во второй – четыре изображения сосудов с разным числом ручек, а в третьей – изображения таких сосудов даны только дважды. Если мы прочтем предшествующий соответствующим идеограммам слоговый текст с помощью предложенного Вентрисом ключа, наше внимание привлечет, прежде всего, та особенность, что идеограмма всякий раз подводит итог содержанию предшествующего ей слога-

вого текста. Это наилучшим образом подтверждает детальный анализ некоторых статей таблички...» [1, с. 56].

Прорисовку рассматриваемой таблички можно найти в книге У. Тэйлора [11], она есть у Э. Добльхофера [5], Д. Дирингера [4] и у А. Бартоника [1]. Для работы была взята табличка из книги Э. Добльхофера, так как, в ней графемы изображены более четко, но в случаях, когда возникали какие-то сомнения, мы эту прорисовку сравнивали с прорисовками из книг других авторов.

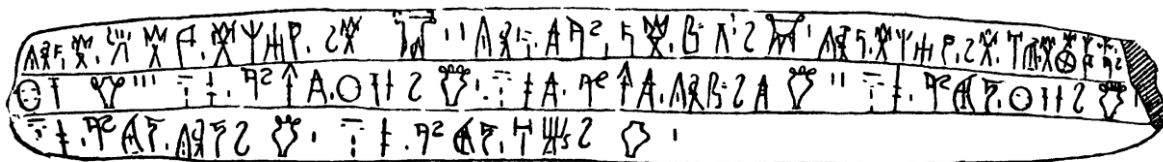

Рис. 2. Инвентарная табличка из Пилоса [5, с. 319]

Надпись длинная и сложная. Она состоит из множества лигатурных знаков, рисунков сосудов и разного размера черточек, вертикальных и горизонтальных. Черточки, как правило, являются буквой I (И). Однако, пять раз черточками и точками изображалась графема Т, и два раза знак « = » справа от лигатуры в первой и второй строке удваивает последнюю букву этой лигатуры. Рисунки сосудов являются логограммами, то есть, слово надо обязательно прочесть. Называются эти сосуды, как выяснилось в процессе дешифровки, словом «латка». Но при прочтении мы, все-таки, рисунок называли словом «сосуд». Автор таблички, вероятно, использовал рисунок в качестве реперного знака, чтобы не запутаться при написании длинного текста и чтения его в дальнейшем, но, может быть, и для того, чтобы показать, какой формы сосуд в Пилосе называли «латкой», а также и для того, чтобы просто украсить однообразный, на первый взгляд, текст. Согласно В. Далю, латка – это гончарная миска с *прямыми, крутыми* боками. У первого сосуда нарисованы две ручки, последний сосуд без ручек, у остальных на горловине нарисованы кружочки или полукружия. Очевидно, таким образом изобразили процесс пересыпания зерна в «латку». Именно, об этом говорится в надписи.

На рисунках 3 и 4 показано разделение надписи точками на слова, разделение лигатур на составляющие их буквы и замены «пилосских» букв на буквы русского алфавита.

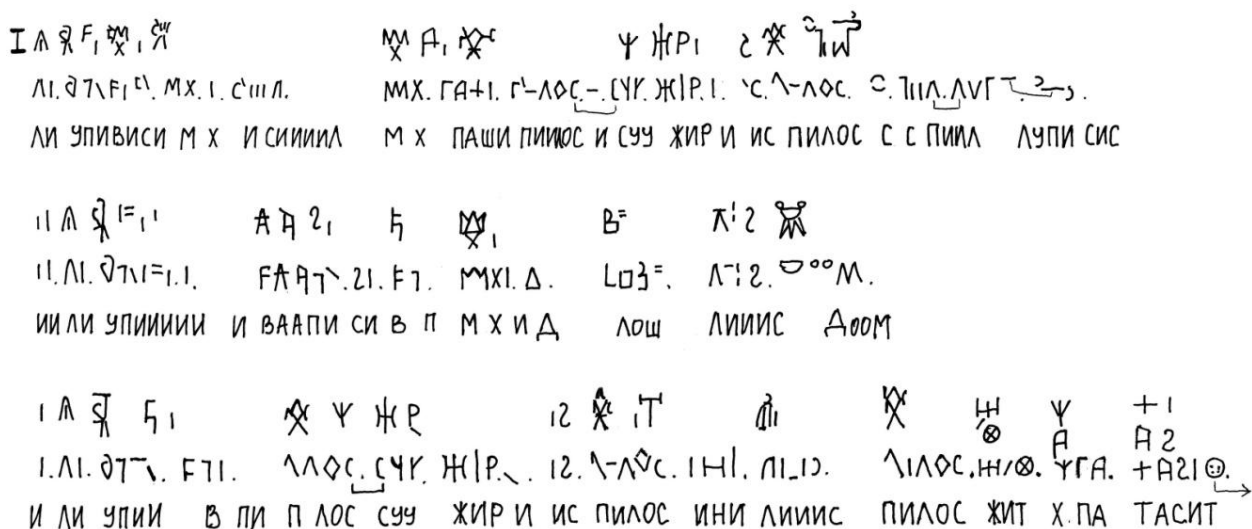

Рис. 3. Строка I: верхний ряд – знаки таблички;
 средний ряд – разделение лигатур на буквы и разделение строки на слова;
 нижний ряд – замена «пилосских» букв на буквы русского алфавита.
 Подчеркнуты места, где на стыке двух слов в тексте выпала одна буква

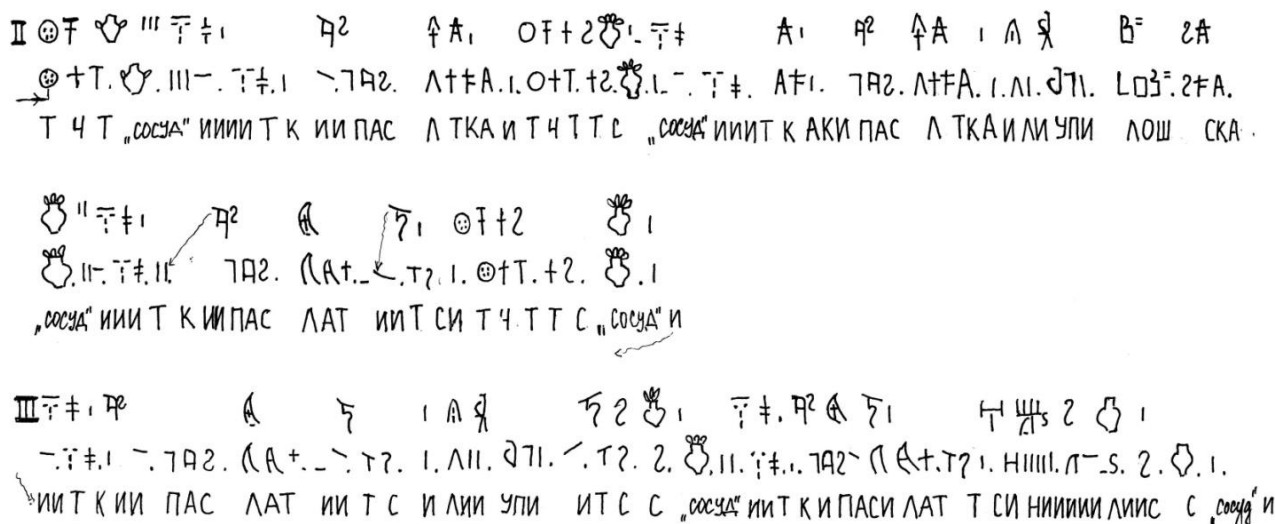

Рис. 4. Строки 2 и 3: верхний ряд – знаки таблички;
 средний ряд – разделение лигатур на буквы и разделение строки на слова;
 нижний ряд – замена «пилосских» букв на буквы русского алфавита

1 строка с одновременным разделением на предложения (стоит точка):

ЛИ УПИВИСИ МХ И СИИИИЛ. МХ ПАШИ ПИИЛОС И СУУ ЖИР. И ИС ПИЛОС СС ПИИЛ ЛУПИ СИС.
 ИИЛИ УПИИИИИИ И ВААПИ СИ. ВП МХИ Д ЛОЗ= ЛИИИС ДООМ.
 ИЛИ УПИИ ВПИ ПЛОС СУУ ЖИР И ИС ПИЛОС ИНИ ЛИИИС. ПИЛОС ЖИТ ХПА ТАСИТ

2 строка с разделением на предложения:

ТЧТ «СОСУД». ИИИИ ТК ИИ ПАС ЛТКА. И ТЧТ ТС «СОСУД». ИИИ ТК АКИ ПАС ЛТКА.

И ЛИ УПИ ЛОЗ= СКА «СОСУД». ИИИ ТК ИИ ПАС ЛАТ ИИ ТСИ. ТЧТ
ТС «СОСУД». И

3 строка с разделением на предложения:

И ТК ИИ ПАС ЛАТ ИИ ТС.

И ЛИИ УПИ И ТС С «СОСУД». ИИ ТК И ПАСИ ЛАТ ТСИ НИИИИИ
ЛИИС С «СОСУД» И.

Чтение:

1 строка:

ЛИ УПИВИСИ МаХом И СИИИИЛЬНО. МаХом ПАШИ в ПИИЛОС И
СУУи ЖИР. И ИС ПИЛОСа СиС ПИИЛЬНО ЛУПИ СИС.

ИИ ЛИ УПИИИИЙся И ВААПИ СИ. ВаПи и МаХНИ Домой на ЛОШади,
ЛИИИСом ДООМой.

И ЛИ УПИЙся и ВаПИ, что в ПиЛОСе СУУнул ЖИР, И ИС ПИЛОСа
ИНИ ЛИИИСом повезешь. в ПИЛОСе ЖИТо ХаПАет, ТАСИТ и

2 строка:

ТоЧиТ в «СОСУД». ИИИИ ТаК ИИ ПАСет в ЛаТКА. И ТоЧиТ и ТаСит
«СОСУД». ИИИ ТаК, АКИ ПАСТи в ЛаТКА.

И ЛИ УПИЙся и на ЛОШади СКАчи за «СОСУДОМ». ИИИ ТаК ИИ ПАСи
ЛАТку ИИ ТаСИ. ТоЧиТ и ТаСит «СОСУД». И

3 строка:

И ТаК ИИ ПАСи в ЛАТке ИИ ТаСи.

И ЛИИ УПИЙся И ТаСи Си «СОСУДЫ». ИИ ТаК ПАСи ЛаТки и ТаСИ, но
НИИИИИ ЛИИСом Си «СОСУДЫ» тащи И.

Перевод:

1 строка:

ЛИ УПИВИСЬ МАХОМ И СИЛЬНО. МАХОМ ИДИ в ПИЛОС И ТОЛК-
НИ ЖИР. И ИЗ ПИЛОСА НЫНЕ БЫСТРО БЕГИ НЫНЕ.

И ЛИ УПИЙСЯ И ВАПИ ЗДЕСЬ. ВАПИ и МАХНИ ДОМОЙ на ЛОША-
ДИ, ЛЕСОМ ДОМОЙ.

И ЛИ УПИЙСЯ и ВАПИ, что в ПИЛОСЕ ТОЛКНУЛ ЖИР, И ИЗ ПИЛОСА
ИНОЕ ЛЕСОМ повезешь. и в ПИЛОСЕ ЖИТО ХАПАЕТ, ТАЩИТ и

2 строка:

СЫПЕТ в «СОСУД». И ТАК И ПРИПАСАЕТ в ЛАТКЕ. И СЫПЕТ и ТА-
ЩИТ «СОСУД». И ТАК, ЕСЛИ ПРИПАСАТЬ в ЛАТКЕ.

И ЛИ УПИЙСЯ и на ЛОШАДИ СКАЧИ за «СОСУДОМ». И ТАК И ПАСИ
ЛАТКУ И ТАЩИ. СЫПЕТ и ТАЩИТ «СОСУД».

3 строка:

ИИ ТАК И ПАСИ в ЛАТКЕ И ТАЩИ.

И ЛИ УПИЙСЯ И ТАЩИ СИ «СОСУДЫ». И ТАК ПАСИ ЛАТКИ и ТА-
ЩИ, но НИ ЛЕСОМ тащи СИ «СОСУДЫ» И.

Итак, табличка не является инвентарной. В ней говорится о том, что
некто, возможно, сам автор таблички, пошел в Пилос и толкнул там *жир*, а
взамен приобрел *жито*. Затем он пересыпает жито в *латки* (показан про-
цесс) и на лошади везет домой. Текст написан в виде наставления: *упивись*

(упейся) махом и сильно и махом паши в Пилос. А после продажи жира из Пилоса быстро беги. Или в Пилосе упейся и вопи (ори, кричи) и на лошади махни лесом домой, или упейся и вопи, что в Пилосе толкнул жир, а из Пилоса домой повезешь иной товар на лошади лесом. И последнее наставление – через лес латки с житом тащить не надо, вероятно, потому, что могут ограбить. Очень похоже на традицию выпить на посошок перед дорогой или обмыть покупку, а эвфемизм послать лесом не в Пилосе ли зародился?

Пояснения к тексту:

Строка 1. Первый знак – это вопросительный союз **ЛИ** (ΛΙ), в котором буквы находятся в лигатуре. Согласно В. Далю, союз *ли* может стоять перед словом и в начале предложения [3]. Союз *ли* встретился нам несколько раз при чтении табличек А [6], троянских надписей [7], а также в карфагенской и кельтской надписи (чтение автора), и везде в начале предложения. Второй знак является лигатурой букв У, П, И. За ним нарисованы буквы В (F), И (I) и лигатура из четырех букв: С, И, М, Х. Второй, третий и четвертый знаки вместе с буквами С, И образуют слово **УПИВИСИ, УПИВИСЬ, УПЕЙСЯ**. В. Даль [3]: упивать – напиваться хмельного допьяна; *пей, да не упивайся*; упивоха (пск.) – пьяница. Мы сейчас говорим «выпивоха». **МХ – МаХом, МАХОМ**. В. Даль [3]: сделать что махом – живо, скоро, на раз; *махнем (кутнем), да и закаемся!* Сейчас говорят: *махнем по маленькой*. Следующий лигатурный знак читается словом **СИИИИЛ – СИИИИЛЬНО, СИЛЬНО**. Далее написано в виде лигатуры слово **МХ – МаХом, МАХОМ**. Далее нарисована лигатура букв П, А, Ш и отдельно стоит I (И), все вместе читается словом **ПАШИ, ИДИ**. В. Даль [3]: пахать (твр.) – идти, ходить, ступать. Следующая лигатура состоит из букв П, И, И, Л, О, С. Это слово **ПИИЛОС, ПИЛОС**, в.п. Буква С прикреплена слева к горизонтальной черточке, которая является союзом I (И). **СУУ – СУУИ, СУЙ, ТОЛКНИ**. В. Даль [3]: совать – *толкать*, пихать, двигать; *подать грубо, толчком*. До сих пор можно услышать: *толкнул товар на рынке*, на толкучке. На стыке слов ПИЛОС и СУЙ одна буква С выпала. Две буквы У объединены в лигатуру одной общей вертикалью. Слово СУИ, СУЙ ранее встретилось в табличке «А» [6], в западногреческой [10] и троянской надписи [7], а также на этрусской свинцовой табличке из Мальяно [9], в карфагенской надписи [8] и на монете из Киликии (чтение автора). Далее лигатура букв Ж и I (И), в которой буква I выделяется своим размером, вместе со следующей буквой Р образует слово **ЖИР. ЖИР** – это **МАСЛО, САЛО**, в.п. [3]. **ИС – ИЗ**, предлог, буквы находятся в лигатуре. Следующий знак снова является лигатурой букв слова **ПИЛОС – ПИЛОСа**, р.п., с несколько иным написанием графемы П. Далее нарисован знак, который воспринимается, как сосуд на трех ножках. На самом деле – это лигатура, объединившая четыре слова: **СС ПИИЛ ЛУПИ СИС**. На стыке слов ПИИЛ и ЛУПИ одна буква Л выпала. **ПИИЛ – ПИИЛЬНО, ПИЛЬНО, БЫСТРО**. В. Даль [3]: пильно – спешно, скоро, быстро. **ЛУПИ** –

БЕГИ. В. Даль [3]: лупить – бежать, улизывать, улепетывать; лупенить – скоро идти, бежать, лупить во всю прыть; лупонить – улепетывать, бежать, удирать. **СС** и **СИС** – **НЫНЕ**. Дальше нарисованы две знакомые лигатуры **ЛИ** и **УПИ**. **УПИ** продолжается серией черточек – это буквы **І** (**И**), получается слово **УПИИИИИ** – **УПИИИИЙся, УПЕЙся. ВААПИ – ВАПИ, ВОПИ**. Слово составлено из лигатур **ВА** (**FA**) и **АПИ**. После слова **SI – СИ** нарисована лигатура букв **В** (**F**) и **П**, читающаяся словом **ВаПи**. Дальше нарисована лигатура букв **М, Х, Д** и следом маленькая буковка **І** (**И**), из которых можно составить слова **МХИ Д, МаХиИ Домой**. Следующая лигатура состоит из букв **L, O, 3**. Это слово **ЛОШ – на ЛОШАди**, пр.п. Удвоенная знаком «=» графема **3**, т.е. две 33, передает звук Ш. Далее написано слово **ЛИИИСом – ЛЕСОМ**, тв.п., первый слог которого есть лигатура букв **Л, И**. И снова знак, похожий на сосуд на трех ножках. Это лигатура букв **Д, О, О, М**, слово **ДООМой, ДОМОЙ**, в.п. Графема **Δ** сглажена и перевернута на 180 градусов. Снова лигатура **ЛИ** и лигатура букв **УПИИ**. Это слово **УПИЙся, УПЕЙся**. После них написано слово **ВаПИ – ВАПИ**, буквы **В, П** находятся в лигатуре. Дальше знакомая комбинация слов **ПЛОС СУУ ЖИР – в ПиЛОСе СУУнул ЖИР, в ПИЛОСе ТОЛКНУЛ ЖИР** (см. выше). **IS – ИС, ИЗ. ПИЛОСа**, р.п. – лигатура букв **П, И, Л, О, С. ИНИ – ИНОЕ, ДРУГОЕ**. Буквы **Н, И** (**І**) находятся в лигатуре. **ЛИИИС – ЛИИИСом, ЛЕСОМ**. Слово нарисовано одним лигатурным знаком. М. Фасмер [12]: укр. ліс, сер-хорв. лијес, др.-англ. læs, р.п. Снова лигатура слова **ПИЛОС – в ПИЛОСе**, пр.п. Далее вертикальное написание слова **ЖИТ – ЖИТа, ЖИТО, ЗЕРНО**. Вертикальное написание слова **ХПА – ХаПАет**. Буквы **П, А** составляют лигатуру. Последнее слово строки **ТАСИТ – ТАЩИТ**. Первый слог написан вертикально, далее, второй слог, как в бустрофедоне, заворачивает вверх. И последнюю букву **Т** в виде кружочка с четырьмя точками внутри мы взяли из второй строки, так как произошло выпадение одной буквы **Т** на стыке слов **ТАСИТ** и **ТОЧИТ**.

Строка 2. ТЧТ – ТоЧиТ, СЫПЕТ. Второй знак строки – это лигатура букв **Ч (+), Т**. В. Даль [3]: точить (южн., тмб.) – сыпать, просыпать; *не точи пшено, не просыпай наземь; хлеб точится из закрома; сухой песок точится.* в «СОСУД», в.п. Логограмму мы взяли в кавычки. После трех вертикальных букв **І** и одной горизонтальной, нарисованной сверху пунктирно оформленной графемы **Т**, идет буква **К**, написано наречие **ТК – ТаК**. Это слово встретилось 3 раза в этой строке и 2 раза в третьей строке. Далее нарисована лигатура букв **И, П, А, С (S)**. И **ПАС. ПАС – ПАСет, ПРИПАСАЕТ, ХРАНИТ**. В. Даль [3]: пасти что – припасать, готовить, держа в запасе про нужду; *наси вино к празднику; наси хлеба; наси денежку про черный день; беречь, хранить.* Эта слово встретится в этой строке три раза в значении *пасет, пасти, наси* и в третьей строке два раза в значении *наси*. Ранее это слово было замечено в троянских, протоибилской и карфагенской надписях. **ЛАТКА – в ЛАТКЕ**, пр.п. Слово не склоняется. Слово записано двумя лигатурами **ΛТ** и **КА**. В. Даль [3]: латка – гончарная миска с

прямыми, крутыми боками; *ладно в латке, хорошо и в горшке*. М. Фасмер [12]: латка – глиняная продолговатая посуда (арханг.); латвица – кувшин; *lã tvica* – мелкая миска для молока (словен.); *lã tcka* – горшок (чеш.). **ТоЧит – ТОЧИТ, СЫПЕТ**. Слово состоит из двух знаков: пустой кружок – буква Т и лигатура букв Ч (+), Т. **АКИ – ЕСЛИ** [3]. Буквы АК находятся в лигатуре. Лигатура букв ПАС(S) – читается словом **ПАСТИ**. **ЛАТКА – в ЛАТКЕ**, пр.п. Слово написано двумя лигатурами (см. выше). Снова знакомые две лигатуры ЛИ и УПИ – **УПИЙся, УПИЙся, УПЕЙся**. Опять лигатура букв **ЛОЗ =**, читаемая на **ЛОШади**, пр.п. (см. 1 строку). **СКАчи, СКАчи**. Слог КА – это лигатура. Дальше знакомые слова ИИИ ТаК ИИ ПАСи в **ЛАТку**, в.п. Слово написано одной лигатурой. Эта лигатура, то есть это слово, еще два раза встретится в третьей строке с чтением в **ЛАТке** и **ЛАТки**. Еще одна лигатура букв **ИТС(S)** с последующей буквой I читается – **И ТаСИ, ТАЩИ**.

Строка 3. В конце этой строки есть две новые лигатуры: НI – НИ и I I I Л- -S, ИИИИЛИИС. Объединив их и перераспределив буквы, получили слова НИИИИИ ЛИИСом, тв.п., НИ ЛИИСом, НИ ЛЕСом.

Пилосско – русский словарь.

Существительные.

1. ДООМ – ДООМой, в.п.
2. Д – Домой, ДОМОЙ, в.п.
3. ЖИР – масло, в.п., 2 р.
4. ЖИТ – ЖИТа, ЖИТо, ЖИТО, в.п.
5. ЛИИС – ЛИИСом, ЛЕСом, тв.п., 2 р.
6. ЛИИИС – ЛИИИСом, ЛЕСом, тв.п.
7. ЛОЗ= - на ЛОШади, пр.п., 2 р.
8. ЛТКА – в ЛаТКА, в ЛАТКЕ, в ГОРШКЕ, пр.п., 2 р.
9. ЛАТ – в ЛАТке, в ЛАТКЕ, пр.п.
10. ЛАТ – в ЛАТку, в ЛАТКУ, в.п.
11. ЛАТ – ЛАТки, ЛАТКИ, в.п., мн.ч.
12. ПИИЛОС – г. ПИЛОС, в.п.
13. ПИЛОС – ПИЛОСа, р.п., 2 р.
14. ПИЛОС – в ПИЛОСе, пр.п.
15. ПЛОС – в ПиЛОСе, пр.п.

Глаголы.

1. ВААПИ – ВАПИ, ВОПИ, ОРИ.
2. ВПИ – ВаПИ, ВАПИ.
3. ВП – ВаПи, ВАПИ.
4. ЛУПИ – БЕГИ.
5. МХИ – МаХни, МАХНИ.
6. ПАШИ - ИДИ.
7. ПАС – ПАСи, ПАСИ, ПРИПАСАЙ, ЗАПАСАЙ, ГОТОВЬ, 3 р.
8. ПАС – ПАСет, ПАСЕТ, ПРИПАСАЕТ.
9. ПАС – ПАСти, ПАСТИ, ПРИПАСАТЬ.

10. СКА – СКАчи, СКАЧИ.
11. СУУ – СУУи, СУУЙ, СУЙ, ТОЛКНИ.
12. СУУ – СУУнул, СУНУЛ, ТОЛКНУЛ.
13. ТАСИТ – ТАЩИТ.
14. ТСИ – ТаСИ, ТАЩИ, 2 р.
15. ТС – ТаСи, ТАЩИ, 2 р.
16. ТС – ТаСит, ТАЩИТ, 2 р.
17. ТЧТ – ТоЧиТ, ТОЧИТ, СЫПЕТ, 3 р.
18. УПИВИСИ – УПИВИСЬ, УПЕЙСЯ, НАПЕЙСЯ.
19. УПИИИИИ – УПИИИИИЙся, УПИЙСЯ, УПЕЙСЯ.
20. УПИИ – УПИЙся, УПЕЙСЯ.
21. УПИ – УПИЙся, УПЕЙСЯ, 2 р.
22. ХПА – ХаПАет, ХАПАЕТ.

Наречия.

1. МХ – МаХом, МАХОМ, 2 р.
2. ПИИЛ – ПИИЛЬНО, ПИЛЬНО, БЫСТРО.
3. СИИИИЛ – СИИИИЛЬНО, СИЛЬНО.
4. СС – СиС, СИС, СЕСЬ, НЫНЕ.
5. СИС – НЫНЕ (ТОТЧАС).
6. СИ – ЗДЕСЬ
7. ТК – ТаК, ТАК, 5 р.

Местоимения.

1. ИНИ – ИНОЕ, ДРУГОЕ, определительное.
2. С – СИ, СЕЙ, ЭТОТ, указательное.
3. С – СИ, ЭТИ, указательное.

Союзы.

1. АКИ – ЕСЛИ, КОЛИ.
2. И – 15 р.
3. ИИ – 7 р.
4. ИИИ -2 р.
5. ИИИИ.
6. ЛИ – 4 р.
7. ЛИИ.

Предлоги.

1. ИС – ИЗ, 2 р.

Частицы.

1. НИИИИИ – НИ.

Логограммы.

1. «СОСУД», в.п., 3 р. (ЛАТКУ)
2. «СОСУДОМ», тв.п. (ЛАТКОЙ)
3. «СОСУДЫ», в.п., мн.ч., 2 р. (ЛАТКИ)

Грамматика. В надписи встретились все основные части речи – это существительные, глаголы, наречия, местоимения, союзы, предлоги, частица. Есть шесть логограмм. Судя по всему, падежные склонения еще от-

сутствуют – в латка, пр.п. Глаголы, как правило, находятся в повелительном наклонении. Обращает на себя внимание долгий звук И (I) в некоторых словах (НИИИИИ, ЛИИС), а также начало некоторых фраз с союза И, ИИ, ИИИ, ИИИИ. Также начинаются, например, наши сказки *И пошел Иванушка...* После союза И стоит, как правило, либо союз ЛИ, либо наречие ТАК. Впоследствии они объединятся и появятся два новых союза – ИЛИ и ИТАК. Кстати, остров Итака (греч. Ιθάκη) был домом Одиссея.

Лигатуры.

В тексте 62 лигатуры, некоторые из них повторяются от двух до пяти раз. Лигатуры состоят из 2, 3, 4, 5 и 6 букв. Одной лигатурой записано, чаще всего, одно слово. Но встречаются и два слова, заключенные в одну лигатуру, и даже четыре. В одну лигатуру могут быть собраны буквы из разных рядом стоящих слов. Один и тот же лигатурный знак в зависимости от контекста может быть прочитан по-разному (рис. 5, второй столбик, второй сверху знак). Один и тот же слог и даже целое слово в лигатурном изображении может также смотреться по-разному, т.е. нарисовано разными лигатурами. Нет строгих правил для составления лигатур, каждый раз это творчество и фантазия автора, но основанная на знании написания основных букв.

Λ ΛI → ΛИ 4р. [ti]	Ж ЖI → ЖИ 2р.	Λ ΛI → ΛИ 2р. [ZO]
Λ ΛII → ΛИИ	FA → BA 1р.	Λ ΛI+ → ΛАТИ 3р. [wi]
Ω ΩI → УПИ 5р. [zi]	FA → KA 3р. [e]	Γ ΓI → ИТС 4р. [jo]
Ω ΩI → УПИ 5р. [zi]	FA → AK 1р.	Ω ΩI → ИИИ ЛИИС [no]
Ω ΩI → УПИ 5р. [zi]	Λ ΛI → ΛИ	
Ω ΩI → УПИ 5р. [zi]	Ω ΩI → АПИ	
Ω ΩI → УПИ 5р. [zi]	Ω ΩI → ВП [PO]	
Ω ΩI → УПИ 5р. [zi]	Ω ΩI → ВП [PO]	
Ω ΩI → УПИ 5р. [zi]	Ω ΩI → ЛОШ 2р. [o]	
Ω ΩI → УПИ 5р. [zi]	Ω ΩI → ДООМ	
Ω ΩI → УПИ 5р. [zi]	Ω ΩI → РИ	
Ω ΩI → УПИ 5р. [zi]	Ω ΩI → НИ 2р. [A]	
Ω ΩI → УПИ 5р. [zi]	Ω ΩI → ΛИИС	
Ω ΩI → УПИ 5р. [zi]	Ω ΩI → ПА	
Ω ΩI → УПИ 5р. [zi]	Ω ΩI → ИПАС 4р. [me]	
Ω ΩI → УПИ 5р. [zi]	Ω ΩI → ПАС	
Ω ΩI → УПИ 5р. [zi]	Ω ΩI → ЧТ 3р. [to]	
Ω ΩI → УПИ 5р. [zi]	Ω ΩI → ИТ 5р.	

Рис. 5. Лигатуры в буквенном прочтении (наша интерпретация) и в слоговой интерпретации М. Вентриса (знаки в квадратных скобках)

Алфавит.

В алфавите найдено 18 букв, из них 4 гласные – это А, И, О, У. Буквам соответствует примерно 47 знаков, большая часть из них являются вариантами написания знаков в разных лигатурах, но есть и аллографы. Практически все буквы находятся в лигатурах.

Рис. 7. Фреска из дворца в Пилосе. Около 1350 года до н.э. [14]

На рис. 7 показана фреска из Пилосского дворца, украшенная *славянским* шахматным орнаментом.

Возможное объяснение этимологии топонима *Пилос* (Πύλος):

«ос» – окончание греческих слов, «пил» – корень. Есть древнегреческие слова πύλαι – ворота и проπύλαιа – парадный проход, образованный портиками и колоннами, буквально, преддверие. Возможно, указанные древнегреческие слова произошли в результате семантического расширения от глагола *пилить*. У В. Даля есть пример «*выпилить проем в стене*», т.е. сделать ворота, проход, мы говорим «пропилить». Можно предположить, что «песчаный Пилос», несколько раз упоминаемый в Илиаде и Одиссее, находясь на берегу моря, был «воротами» в царство Нелея и его сына Нестора, и одновременно «сторожем», «стражем» царского дворца. Согласно В. Далю, *пильновать* (зап., смл., кал., орл., твр – рж.) – стеречь, беречь, остерегаться; подстергать, *сторожить*, *стражить*; охотники при взлете птицы кричат друг другу *пильнуй*, береги! *Ночку не спати, жита пильновати, песня* [3].

Библиографический список

1. Бартонек А. Златообильные Микены. – М., 1991.
2. Гомер. Илиада. – М., 1960.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4тт. - М., 1989 – 1991.
4. Дирингер Д. Алфавит. – М., 1963.
5. Добльхофер Э. Знаки и чудеса. – М., 1963.
6. Котова Г.Г. Письменность крито – микенской цивилизации // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.25086, 11.01.2019 <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/005b/02111182.htm>
7. Котова Г.Г. Письменность Трои // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.25099, 16.01.2019 г. <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/005b/02111183.htm>
8. Котова Г.Г., Миронова Е.А. Расшифровка финикийской надписи на табличке из Карфагена // «Академия Тринитаризма», М., Эл. №77-6567, публ. 18180, 07.09.2013. www.trinitas.ru/rus/doc/0211/005a/02111164.htm

9. Котова Г.Г. Этруские тексты: Новое прочтение.- М.: изд. центр РГГУ, 2010.
10. Котова Г.Г. Древнегреческое письмо // «Академия Тринитаризма», М., Эл. №77-6567, публ. 24219, 25.01.2018. . <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/005a/02111180.htm>
11. Тейлор У. Микенцы. - М., 2003.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4тт.-М., 1964-1973.
13. Чедвик Дж. Дешифровка линейного письма Б // «Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки». Сборник статей. Дьяконов И.М. (ред.). - М., 1976. - С. 109 - 251.
14. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Пилос>

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2019–2020 ГОДАХ**

Дата	Название
1–2 декабря 2019 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2019 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2019 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук
15–16 января 2020 г.	Информатизация общества: социально-экономические, социокультурные и международные аспекты
17–18 января 2020 г.	Развитие творческого потенциала личности и общества
20–21 января 2020 г.	Литература и искусство нового века: процесс трансформации и преемственность традиций
25–26 января 2020 г.	Региональные социогуманитарные исследования: история и современность
5–6 февраля 2020 г.	Актуальные социально-экономические проблемы развития трудовых отношений
10–11 февраля 2020 г.	Педагогические, психологические и социологические вопросы профессионализации личности
15–16 февраля 2020 г.	Психология XXI века: теория, практика, перспективы
16–17 февраля 2020 г.	Общество, культура, личность в современном мире
20–21 февраля 2020 г.	Инновации и современные педагогические технологии в системе образования
25–26 февраля 2020 г.	Экологическое образование и экологическая культура населения
1–2 марта 2020 г.	Национальные культуры в социальном пространстве и времени
3–4 марта 2020 г.	Современные философские парадигмы: взаимодействие традиций и инновационные подходы
15–16 марта 2020 г.	Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность
20–21 марта 2020 г.	Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика
25–26 марта 2020 г.	Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований
29–30 марта 2020 г.	Развитие личности: психологические основы и социальные условия
5–6 апреля 2020 г.	Народы Евразии: история, культура и проблемы взаимодействия
10–11 апреля 2020 г.	Проблемы и перспективы развития профессионального образования в XXI веке
15–16 апреля 2020 г.	Информационно-коммуникационное пространство и человек
18–19 апреля 2020 г.	Актуальные аспекты педагогики и психологии начального образования
20–21 апреля 2020 г.	Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук
22–23 апреля 2020 г.	Социально-культурные институты в современном мире
25–26 апреля 2020 г.	Детство, отрочество и юность в контексте научного знания
28–29 апреля 2020 г.	Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия
2–3 мая 2020 г.	Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования
10–11 мая 2020 г.	Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире
13–14 мая 2020 г.	Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы
15–16 мая 2020 г.	Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия
20–21 мая 2020 г.	Текст. Произведение. Читатель
22–23 мая 2020 г.	Профессиональное становление будущего учителя в системе непрерывного образования: теория, практика и перспективы
25–26 мая 2020 г.	Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества
1–2 июня 2020 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
10–11 сентября 2020 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2020 г.	Новые подходы в экономике и управлении

20–21 сентября 2020 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2020 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2020 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2020 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
12–13 октября 2020 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2020 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2020 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2020 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2020 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2020 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
1–2 ноября 2020 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2020 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2020 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2020 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
15–16 ноября 2020 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2020 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2020 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2020 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2020 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2020 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Научометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor	• Global Impact Factor – 1,721, • РИНЦ – 0,107.
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия)	• Global Impact Factor – 0,915
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • General Impact Factor (Индия)	
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США)	
Чешский научный журнал «Akademická psychologie»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США)	
Чешский научный и практический журнал «Sociologie člověka»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США)	
Чешский научный и аналитический журнал «Filologické vědomosti»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США)	

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered
Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
or in Russia

(in the output of the publication will be registered
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- making an artwork,
- cover design,
- ISBN assignment,
- print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Faculty of Business Administration, University of Economics in Prague
Academia Rerum Civilium – Higher School of Political and Social Sciences
Penza State Technological University
Penza State University

HISTORY, LANGUAGES AND CULTURES OF THE SLAVIC PEOPLES: FROM ORIGINS TO THE FUTURE

Materials of the VIII international scientific conference
on November 25–26, 2019

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Podepsáno v tisku 29.11.2019.
60×84/16 ve formátu.
Psaní bílý papír. Vydavatelství 4,1.
100 kopií

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
Identifikační číslo 29133947 (29.11.2012)
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika
Tel. +420773177857
web site: <http://sociosfera.com>
e-mail: sociosfera@seznam.cz